

Убежище

Автор:

Бренда Новак

Убежище

Бренда Новак

Романтическая история первой любви Бонна и юной Хоуп закончилась прозаически. Не получив поддержки от любимого, беременная девушка сбежала из-под опеки своей семьи – сектантов, пропагандирующих полигамные браки. В Нью-Мексико она согласилась на процедуру тайного усыновления, которую ей предложила владелица родильного центра Лидия.

Прошло десять лет. Жизнь Хоуп полностью налажена, и она почти не вспоминает о своем далеком прошлом. Лишь узнав, что ее юная сестра Фейт беременна от нелюбимого, Хоуп решает вернуться и помочь ей бежать, как когда-то бежала сама. В поисках убежища они оказываются у старых знакомых – Лидии и администратора центра Паркера Рейнольдса. Кажется, Паркер не рад возвращению Хоуп. С чем же связана его враждебность?

Бренда Новак

Убежище

Пролог

«Дом рождений» Инчантмент,[1 - Инчантмент – вымышленный город, название которого переводится как «Очарованный». (Здесь и далее примеч пер.)] Нью-Мексико Июнь 1993 г

У Лидии Кейн был умный и проницательный взгляд. Хоуп Теннер смотрела в ее глаза, черпая в них силы, когда накатывал очередной приступ боли. Схватки шли почти непрерывно и с каждым разом становились сильнее, а ноги вздрагивали – то ли от боли, то ли от страха. Она сама толком не понимала. Ей было всего семнадцать.

– Вот оно, – сказала Лидия от изножья кровати. – Ты почти у цели, милая. Просто расслабься и дыши.

– Я хочу тужиться, – с трудом выговорила Хоуп. Она не перенашивала, но все равно очень беспокоилась за исход родов. Лидия смазала ей шейку матки гормональной мазью и сказала, что это должно запустить процесс родов. Но ребенок оказался упрямым. Схватки начались на исходе дня и только сейчас, в четыре часа утра, они наконец стали по-настоящему сильными.

«Еще одно наказание Божье», – решила Хоуп. Она сбежала от братьев,[2 - Церковь братьев – одно из множества баптистских течений.] отказываясь делать то, что ее отец называл желанием Бога, и теперь расплачивалась за это.

– Пока еще рано тужиться, – твердо сказала Лидия. – Матка полностью не раскрылась, и могут быть разрывы. А мы этого не хотим. Постарайся отдохнуть, пока я оценю результаты последних схваток.

Лидия стала проверять, насколько продвинулся вперед ребенок, и Хоуп уставилась в потолок. Она очень устала оттого, что ее щупают внутри и снаружи, но никогда бы в этом не призналась. Лидия может счесть ее неблагодарной. Почти всю беременность она провела в полном одиночестве, бесцельно мотаясь из города в город. И не собиралась сейчас злить единственного человека, который взял ее к себе жить. Лидия была такой решительной, такой сильной. И как Хоуп ни любила ее и как ею ни восхищалась, все равно немного ее побаивалась. Лидии было около шестидесяти, и она владела родильным центром. Но при этом она не была этакой доброй бабушкой и ничем не напоминала терпеливую мать Хоуп. Высокая и угловатая, с пронизывающим взглядом серых глаз и седыми волосами. Она часто бывала резка. Казалось, знала все на свете и могла заставить людей – а может, даже события – подчиняться ее желаниям. Лидия раздавала приказы, как и отец Хоуп, и последнюю это безмерно удивляло. Она не подозревала, что женщины могут

обладать такой властью.

- Все в порядке? - спросила Хоуп, слабая, дрожащая и измотанная.

- Просто прекрасно.

Лидия стала водить по ее лицу ледяными кубиками. Кулон, который она всегда носила на шее, - мать, укачивающая младенца, - закачался и привлек внимание Хоуп. Она уже давно с жадностью смотрела на него. Она тосковала по любви, поддержке и защите, которые тот символизировал. Но Хоуп знала, что не сможет так прижать к себе своего ребенка. Этого, во всяком случае.

Закончив протирать ее лоб, Лидия снова стала массировать ей ногу. Она утверждала, что, нажимая на определенные точки, можно ослабить боль - и назвала это рефлексологией. Но Хоуп не была уверена, что это помогает. С ее точки зрения, единственное, что давал этот массаж, - возможность немного отвлечься.

- Теперь уже недолго осталось, - заверила ее Лидия, поглядывая на часы, словно куда-то опаздывала. Казалось, она тоже хочет, чтобы ребенок Хоуп родился поскорее. - Я бы перевела тебя в больницу, если бы было о чем волноваться, - продолжала она все тем же непререкаемым тоном. - Время тянется медленно, я знаю. Но сердцебиение ребенка сильное и ровное, он продвигается вперед. Первые роды часто бывают долгими.

Лидия как-то упомянула, что работает домашней акушеркой[3 - В США существует два института акушерок. Nurse obstetrician (или Nurse midwife) - акушерки с медицинским образованием и licensed midwife - лицензированные акушерки домашних родов (так называемые духовные акушерки). Разница в первую очередь в подходах: акушерки-медики близки по духу российским акушеркам в роддомах, а акушерки домашних родов основываются на естественности процесса родов.] уже больше тридцати лет. Конечно, она знает, о чем говорит. Но Хоуп доверяла ей независимо от профессионального опыта. Именно мужчины всегда подводили ее...

Подкатила очередная схватка. Подавив мучительный стон, Хоуп сжала руки в кулаки и стиснула зубы. Она не знала, сколько еще сможет выдержать. Казалось, кто-то раз за разом всаживает ей в живот нож.

Вокруг было тихо, только где-то неподалеку играла негромкая музыка. Не было ни Паркера Рейнольдса, администратора родильного центра, ни остальных акушерок, ни клерков. Все они ушли задолго до того, как Лидия разбудила Хоуп. В «Доме рождений» они были одни. С ароматными свечами, неярким светом и умиротворяющей музыкой ее палата была призвана стать уютной, как родной дом. Но желто-бирюзовые обои, покрытый испанской плиткой пол и деревянные ставни на окнах совсем не походили на тот дом, что был у Хоуп. В детстве она спала в одной спальне с тремя, а то и четырьмя сестрами. А свечи зажигали, только когда электричество отключали за неуплату. И слушать ей разрешали только классическую музыку и церковные гимны.

– Хорошая девочка, – сказала Лидия, когда Хоуп справилась со схваткой.

В данный момент Хоуп мало волновало, что у нее могут быть разрывы. Ей и так казалось, что, продвигаясь к выходу, ребенок делает в ее внутренностях дыру. Она просто не хотела вызвать недовольство Лидии. Несколько недель назад ультразвук показал, что у нее родится девочка, и Лидия обещала, что подыщет ей хороший дом. Хоуп не хотелось давать ей хоть малейшую причину нарушить свое обещание. В основном потому, что Лидия нарисовала поистине идиллическую картинку будущего ее ребенка. У ее малышки будет своя кровать и одеяльце ей под цвет, и подушечки-бамперы, и игрушки, висящие над ней. Любящие родители будут возить ее на уроки танцев, помогать с домашними заданиями и потом отдадут учиться в колледж. А когда придет время, они оплатят для нее прекрасную свадьбу. Ее дочь выйдет замуж за доброго и сильного мужчину, у нее будет нормальная семья, и в конце концов она даже станет бабушкой. Она будет носить магазинную одежду и слушать любую музыку, какую захочет. Ей будет приятно ощущать себя женщиной. И что самое хорошее, она никогда не узнает, какой судьбы избежала.

Хоуп больше всего на свете хотелось такой жизни для своего ребенка. Когда ее дочь появится на свет и начнет свою жизнь, похожую на сказку, будет уже не важно, что случится с самой Хоуп.

Она уже подарила дочке единственное, что могла.

Шанс на лучшую жизнь. Она спасла ее от братьев.

– Сделка отменяется, – категорично заявила Лидия, заходя к себе в кабинет с новорожденным ребенком на руках. Ребенком Хоуп.

Страх забил глотку Паркеру Рейнольдсу. Он быстро глянул на своего тестя, конгрессмена Джона Барлоу, который ждал вместе с ним. Потом он перевел взгляд на ребенка, за которым они пришли.

– Что-то не так? – спросил он. – Что-то с Хоуп?

– И мать и ребенок в полном порядке, но... – она посмотрела на мужчин, – это – мальчик.

Мальчик... Сердце Паркера глухо забилося. Мальчик мог все изменить.

– Хоуп уже знает?

– Я еще не сказала ей, но...

– Отлично! – прервал Лидию конгрессмен. – Вы переживали, что будет выглядеть подозрительно, если Паркер и Ванесса получают новорожденного сразу после того, как Хоуп родит. Теперь им не придется переезжать, и вам не нужно будет искать нового администратора. Никто ни о чем не догадается.

Разрывающийся от сомнений Паркер сунул руки в карманы и отвернулся к окну. После двух выкидышей его жена так и не смогла больше забеременеть. А сейчас состояние ее здоровья не позволяет даже пытаться. Она больна, несчастна и в такой депрессии, что не встает с постели даже в «хорошие» дни. Она говорила, что ребенок все изменил бы, что он дал бы ей желание жить.

Паркер верил, что так и будет. Он верил, что, как муж, обязан сделать все, чтобы спасти ее. Но из-за болезни Ванессы с ними не соглашалось работать ни одно агентство по усыновлению. Так что это был его единственный шанс.

– Пол ребенка играл большую роль в ее решении отдать его на усыновление, – объяснила Лидия.

– Я бы не был в этом так уверен, – ответил Джон. – Прокормить мальчика ей будет не легче, чем прокормить девочку. Давайте называть вещи своими именами – она семнадцатилетняя девчонка, сбежавшая из дома. Что она может дать этому ребенку?

Паркер почувствовал, что его решимость заколебалась еще сильнее. Все казалось таким простым, когда он пришел к тестю с этой идеей две недели тому назад. Ванессе нужен ребенок. Ребенку Хоуп нужна семья. Лидии нужны деньги, чтобы держать на плаву родильный центр. Но сейчас простым это уже не казалось. Это казалось практически нереальным.

– Хоуп заслуживает права принимать решение, имея полную информацию, – сказал он.

– Ни черта подобного, – возразил Джон. – Не заслуживает она такого. Из твоих слов я понял, что миссис Кейн поселила ее у себя и целых два месяца заботилась о ней.

– У меня не было скрытых мотивов, когда я принимала ее к себе, – сказала Лидия.

– Не собираюсь заводить спор о чистоте ваших помыслов, – сказал Джон. – Просто выполните условия сделки. Я уже заплатил вам требуемую сумму.

Лидия прижала к себе ребенка.

– Я верну вам деньги.

– Когда?

Паркер знал, что ей будет трудно ответить на этот вопрос. Последние полгода родильный центр находился на грани закрытия. Деньги были уже потрачены на оплату счетов, зарплату сотрудников и оборудование.

– Как только смогу, – резко ответила Лидия.

– Принимая во внимание, что вы вкладываете в центр каждый цент, который получаете, не думаю, что было бы очень умно давать вам кредит, – сказал Джон. – Кроме того, мне не нужно, чтобы вы возвращали мне деньги. Я хочу получить обещанного вами ребенка.

Лидия подавленно оглядела кабинет.

– Этот центр – вся моя жизнь, – сказала она. – Я люблю его и сражаюсь за него больше тридцати лет. Но на этот раз я зашла слишком далеко. То, что мы делаем, противоречит моим убеждениям.

– Что мы делаем? – повторил Джон. – Вы уже сделали это, миссис Кейн. Вы сделали, когда взяли у меня деньги. – Он нетерпеливо махнул рукой. – Но сейчас вы пытаетесь сделать из мухи слона. Вы ничем не навредите матери этого ребенка. Так что пойдите и скажите ей, что отдаете ее ребенка на усыновление. В определенном смысле, конечно. Оно не будет оформлено законно, но какое это имеет значение? Вы...

– Какое значение? Как вы можете! – прервала его Лидия. – Мы нарушаем закон, конгрессмен. Вы-то уж должны понимать это лучше других.

Тесть Паркера умело натянул маску политика.

– Закон тут ни при чем. Главное, что ребенку ничего не угрожает. Он попадет в хороший дом, и нам обоим это известно.

Лидия долго смотрела на малыша, потом встретилась взглядом с Джоном.

– Ваша дочь тяжело больна. И как ни больно мне это говорить, я все равно скажу. Хоть никто из вас не хочет этого признавать, но есть шанс... – она бросила на Паркера извиняющийся взгляд, – что она не выкарабкается. Именно поэтому ей сейчас не получить ребенка законным путем.

– Вы думаете, я этого не знаю?! – загремел тесть Паркера, забыв про свое обычное «давайте поговорим об этом спокойно». – Я знаю, что моя дочь нездорова. И именно поэтому я не пойду объяснять ей, что она не сможет получить этого ребенка!

Паркер смотрел на их лица, отражающиеся в оконном стекле, и периодически переводил взгляд на лесной пейзаж. Он испытывал сильное желание встать и высказать свое мнение по некоторым пунктам. Хотя и не был уверен, что полностью на стороне Джона или самой Лидии. Он знал, как сильно жена хотела ребенка. И он хотел, чтобы она его получила. Но сейчас появился крошечный малыш, которого он должен привезти домой. И Паркера беспокоило совсем не то, что у него не было никаких прав забирать его – ни юридических, ни кровных, – его беспокоила необходимость лгать юной Хоуп. В этой девочке была какая-то хрупкость. И невинность. Ее симпатичное личико вспыхивало от радости всякий раз, когда кто-то по-доброму обращался к ней, даже по самому ничтожному поводу. И хотя отчасти он верил, что ребенок поможет жене выздороветь, чувствовал себя последним подонком, который использует отчаяние и доверие беззащитной девочки ради того, чтобы его тесть купил нечто, что он не имеет право покупать. Они с Лидией всю жизнь жили на соседних улицах, и она взяла его на работу в родильный центр сразу после окончания колледжа. Ему было противно, что он использует ее отчаянные попытки спасти центр.

– Какая разница, где будет расти ребенок, если о нем станут хорошо заботиться? – спросил Джон у Лидии. – Если вы отдадите ребенка на усыновление, нет гарантии, что он попадет в лучшие условия. Так вы по крайней мере знаете, что Паркер и Ванесса будут любить ребенка и заботиться о нем, как о своем собственном.

– И все равно это остается продажей, – сказала Лидия и ссутулилась.

– Верните мне потом эти деньги, если от этого вам станет легче, но Ванесса должна получить ребенка.

Паркер обернулся к ним и все-таки заговорил. Он понимал боль Лидии и чувствовал за это ответственность. Но они зашли слишком далеко, чтобы повернуть назад.

– Лидия, вы ведь знаете, что я дам этому ребенку все, что смогу. И он может все изменить для Ванессы.

Несколько секунд она не отрываясь смотрела на него, потом медленно подошла.

– Тогда тебе лучше отвезти его домой, – сказала она. – И ни слова больше об этом. Пока это зависит от меня.

С этими словами она быстро вышла из комнаты, а Паркер впервые взял на руки своего сына.

Глава 1

Десять лет спустя

Стиснув руль так, что побелели костяшки пальцев, Хоуп Теннер въехала туда, где хотела бы сейчас оказаться в последнюю очередь: в город Супериор,[4 - Супериор – город вымышленный. С таким названием в США есть несколько городов, но ни один из них не находится в штате Юта.] штат Юта, население 1517 человек. Город тут же вызвал в ее памяти лавину воспоминаний – продуктовый магазин Брата Петерсена, который частенько угощал ее лакричными сладостями; начальная школа, куда ей разрешали ходить целых два года, – место, где она открыла для себя искусство и научилась творчеству; ратуша с башенкой и часами на четыре стороны, которые всегда наполняли гордостью ее детское сердечко.

Но еще был молитвенный дом с твердыми скамейками, на которых она сидела по многу часов со своими братьями и сестрами (коих было двадцать девять) каждое воскресенье и слушала, как святые братья восхваляют достоинства многоженства, общинной жизни и «принципа», как они его называли; пекарня тети Тельмы, где они заказывали торты на каждую свадьбу ее отца; старый амбар, где...

Хоуп на мгновение зажмурилась. «Не вспоминай про это, – приказала она себе. – Не вспоминай, и все».

С тех пор, как она сбежала из Супериора, прошло одиннадцать лет. Это были очень трудные одиннадцать лет, но она их пережила. Сейчас у нее было образование, стабильная работа медсестры и съемный домик в трех часах езды от городка под названием Сент-Джордж. И как бы Хоуп ни скучала по матери,

она не собиралась сюда возвращаться. Но она вернулась – ради своих сестер.

На старом «шеви-импала», купленном у одного из соседей, Хоуп доехала до перекрестка в центре города. Она свернула налево к парку, восточная часть которого служила кладбищем, и влетела на покрытую гравием парковку. Был только полдень, и большая часть прихожан Предвечной апостольской церкви все еще находились на церковной службе. Парк был практически пуст. Но совсем скоро его заполнят женщины и дети. Может, будет и несколько мужчин. Тех, кто не уединился в молитвенном доме, где решали, кто будет говорить проповедь на следующей неделе, чья дочь станет очередной женой старейшины, какая семья требует больше денег на продукты по нужде, а какая по жадности. Сегодня День матери, а в День матери практически все устраивали в парке пикники после богослужения. И если ей повезет, она сможет увидеть своих сестер, а если очень повезет – возможно, даже улучит момент и поговорит с кем-нибудь из них, пока отец и остальные братья еще в церкви.

Руки у Хоуп стали липкими от пота, сердце бешено билось. Она вышла из машины и под защитой тополей пошла по парку. Она надеялась, что никто не заметит ее раньше, чем она будет готова показаться. В воздухе витали запахи скошенной травы и нагретой земли, бабочки – в основном черные – перелетали с нарцисса на нарцисс. Поблескивающие неподалеку надгробия, казалось, наблюдали за ней, как притихшие зрители в ожидании главной драмы.

«Поверни назад и поезжай домой! – кричал ее разум. – Что ты такое творишь? Ты одиннадцать лет приходила в себя после того, что здесь произошло. Бога ради, целых одиннадцать лет! Тебе что, этого мало?»

Нет, ей было больше чем достаточно. Но Хоуп не могла позволить себе повернуться и уйти. Может быть, Черити, Фейт,[5 - Имена в большой степени соответствующие нашим Вера, Надежда, Любовь. Хоуп в переводе Надежда, Фейт – Вера, Черити – Милосердие.] Сара или Лари захотят уехать с ней.

И может, несмотря на свои скудные средства, она сумеет им помочь.

К счастью, ей не пришлось долго ждать. Она увидела женщин и детей, идущих по направлению к парку. У них в руках были миски, корзины и пакеты с едой. Они вошли в парк в дальней его части, рядом с детской площадкой. Дети тут же разбежались, смеясь и перекликаясь, а женщины продолжали путь к столикам

для пикника. Они были одеты в некрасивые, вручную сшитые платья, ниспадающие до лодыжек и закрывающие руки до запястий, – и чем-то напоминали женщин-первопоселенцев. Волосы высоко зачесаны и заплетены в длинные косы. Никакой косметики.

Святые братья осуждали любой намек на тщеславие или недостаток скромности. Кроме того, они выступали против любого влияния современности, которое могло отвлечь от церкви женщин и детей. Например, образование или телевидение. Поэтому очень немногие женщины – если таковые вообще были – получали возможность окончить колледж. Основная масса не оканчивала даже среднюю школу. Чужим людям женщины представлялись сестрами или кузинами своих мужей, они вели уединенный образ жизни, выполняя строго определенные обязанности. Мужчины работали и отдавали все заработанное церкви, их слово было законом во всем, и они имели столько жен, сколько хотели. Женщины же были низведены до готовки и уборки, а также вынашивания и воспитания детей; им постоянно угрожало вечное проклятие, если они были «слишком эгоистичны» или «нечестны» в борьбе за внимание своих мужей.

Хоуп же была бунтаркой. Она не могла заставить себя подчиниться диктату отца, не могла жить по «принципу». Даже ради Господа. Даже ради любимой матери. И уж конечно, не ради отца. В понимании ее родных Хоуп потеряла свою душу. Возможно, так и было. Хоуп не была уверена, что не окажется в итоге в аду, но она совершенно точно знала, что уже была в подобном ему месте.

Оставаясь за деревьями, она осторожно подошла ближе и стала узнавать лица. Крепко сбитая женщина в синем в цветочек платье напоминала старшую из сестер Кеннон, а высокая старуха, скорее всего, была одной из жен Гарта Хантингтона. Райлин Пу Теннер, самая младшая из жен ее отца – во всяком случае, так было одиннадцать лет тому назад, – стояла посреди этой суматохи. Она не была красавицей, но очки в металлической оправе и стянутые в пучок жидковатые волосы ее просто уродовали. На ней было настолько свободное платье, что Хоуп подумала, что она или беременна, или недавно родила. Райлин давала указания гибкой девочке, которую Хоуп сначала даже не узнала.

– Не ставь пока десерты, Мелани! – крикнула она. – Разве ты не видишь, что мы еще не застелили столы?

Мелани? Хоуп схватилась за дерево, которое было для нее одновременно укрытием и опорой. Когда она убежала, Мелани была совсем малышкой, ей и

года не исполнилось. А теперь только взгляните на нее! Сколько еще детей появилось у отца? И сколько еще жен?

Когда она сбежала, у Джедидая Теннера было шесть жен. Сестра Джослин – от Хоуп всегда требовали, чтобы она называла жен своего отца сестрами, поскольку они были дочерьми Бога и сестрами в Его царстве, – была первой женой и родила ему четырех мальчиков и пять девочек. За сестрой Джослин шла сестра Силия, несмотря на то что Силия была на несколько лет старше Джослин. Хоуп как-то раз слышала, что у Силии были проблемы с зачатием. А может, после того как новизна брака потускнела, отец просто перестал приходить к ней в постель. Они никогда не казались ей подходящими друг другу, и в этом смысле многоженство было очень удобным для мужчины. Джедидай мог просто пойти в другую часть обветшалого дома к Силии или в трейлер через улицу. Остаться на ночь с кем-то из других жен. Во всяком случае, у Силии было только двое детей, две девочки. У сестры Флоренс, третьей жены отца, было шестеро мальчиков и две девочки. Мэрианн, мать Хоуп, родила пять девочек и, к невысказанному разочарованию отца, ни единого мальчика.

У сестры Хелен было четыре мальчика и девочка, а Райлин, шестая и последняя жена – на момент отъезда Хоуп, – родила только Мелани. Несмотря на то, что Райлин была всего на два года ее старше, Хоуп она никогда не нравилась. Она была очень властной и шумной женщиной и практически с самого начала заняла в доме место Мэрианн. По крайней мере, когда рядом не было Джеда. Женщины редко имели в распоряжении целый дом, даже если это был трейлер, поэтому, когда Райлин переехала в дом Мэрианн, Хоуп получила хорошую возможность ее узнать.

Сдержанная и утонченная, Хелен была другой. Она жила в том же квартале в старом кирпичном доме, построенном еще во время основания города в начале 1900-х. Хоуп любила ее. К сожалению, Хелен всегда была любимицей Джеда, чем завоевала стойкую неприязнь других его жен и детей. Хоуп с матерью никогда не могли вменить ей в вину предпочтение Джедидая. Хелен была слишком милой, слишком одинокой и почти незаметной для окружающих. Даже сейчас Хоуп видела, что она держится в стороне. И как часто бывало в детстве, ей подумалось о том, что скрывается за безмятежным выражением лица сестры Хелен.

Однако, увидев мать, Хоуп забыла о сестре Хелен. Мэрианн опаздывала на празднование и с трудом пробиралась по неровной местности. На ней было

платье, очень похожее на то, что Хоуп видела у нее одиннадцать лет тому назад, но Хоуп не была уверена, что это именно оно. Две девочки, лет двенадцати и четырнадцати, тащились за ней по пятам, неся в руках булочки и ветчину, и Хоуп осознала, что это ее младшие сестры.

Они так выросли; она даже не была уверена, что узнала бы их, если бы они были без матери. И даже Мэрианн изменилась. Одежда болталась на ней, как на старой вешалке, а волосы совсем поседели. Она выглядела старше по крайней мере лет на двадцать, никак не на прошедшие десять.

Горечь за отца и вина за то, что бросила мать, всколыхнулись в Хоуп. Она всегда была правой рукой матери и ее единственным близким человеком.

«Из всех мест в мире моя семья выбрала для жизни именно это», – подумала Хоуп, глядя, как ее сестры складывают на ближайший к ним столик булочки и ветчину. По некоторым подсчетам, в Юте, северной Аризоне, Айдахо, Монтане и отдельных районах Мексики и Канады проживало около 60 тысяч приверженцев многоженства. Так что Супериор был не единственным местом, где практиковались множественные браки. В основном эти люди жили маленькими общинами и объединялись по несколько семей, придерживавшихся одинаковых доктрин. Но доктрины могли различаться от общины к общине и иногда уходили достаточно далеко от первоначальных мормоновских верований, что породило огромное количество отколовшихся от истоков сект. Самые консервативные общины настаивали, что секс может служить только способом размножения. Другие же – как церковь ее семьи, к примеру, – считали, что мужчина имеет право заниматься сексом с женщиной в любое время и столько, сколько захочет, поскольку она ему «принадлежит».

Тем не менее в Супериоре жило 1517 душ, и только половина из них была прихожанами Предвечной апостольской церкви. Шанс родиться здесь, в таком крошечном обществе, наверняка был один на миллиард.

К сожалению, шансов выбраться отсюда было примерно столько же.

Под гнетом цели своего приезда Хоуп вернулась к машине и вытащила цветы, которые срезала в своем саду для матери. Ей надо было как можно скорее показать свое присутствие. Откровенно поговорить с матерью и сестрами будет проще, когда поблизости нет отца. Учитывая ее внезапный побег и то, сколько

лет прошло с тех пор, как она с ними виделась, не приходилось рассчитывать на взаимопонимание даже без вмешательства отца. Мать Хоуп считала, что ее вера в Бога требует полного подчинения мужу. Поэтому было очень сложно заставить ее услышать то, что шло не от отца или с кафедры проповедника.

Хоуп глубоко вздохнула и решительно двинулась к поляне для пикника.

Сестра Райлин своим орлиным глазом первой заметила ее и прикрыта рукой глаза от солнца, чтобы лучше видеть. На какой-то миг у нее просто отвисла челюсть, и Хоуп почувствовала, как к ней возвращаются давно забытые страх и смущение. Строгое воспитание, эмоциональный шантаж родителей и настоятелей церкви, которые управляли ее жизнью, всепоглощающее состязание за малейшее внимание отца и проповеди о судьбе грешника, сгорающего в аду, – чувства и воспоминания об этом нахлынули на нее, не давая дышать. Она почти чувствовала, как ее ноги лижут языки адского пламени...

Но потом она увидела своих сестер, тех, кто были ближе ей по возрасту. Черити было двадцать два – на пять лет меньше, чем Хоуп, – она держала на руках одного ребенка, а у ее ног бродил другой, полутора-двух лет от роду. Фейт скоро должно было исполниться девятнадцать, и она была беременна.

Райлин что-то произнесла и показала на Хоуп. Ее мать оторвалась от вытирания личика малыша на руках у Черити, и они повернулись к Хоуп. Она не могла точно сказать, удивление на их лицах или тревога.

У Хоуп тут же перехватило горло. Как же она соскучилась по ним. Кажется, с тех пор, как она в последний раз видела своих родных, прошла уже целая вечность. Однако в своем сердце она пронесла их в мир, который имел очень смутное представление о многоженстве и жизни в общине, а в особенности о тех странных вещах, которыми там занимались люди.

Из-за своего прошлого и принадлежности к общине Хоуп всегда приходилось держаться в стороне. Одной. Это болезненно переживаемое одиночество иногда подталкивало ее вернуться. Но она никогда этого не сделает. Если она не смогла жить по «принципу» в шестнадцать, сейчас она и подавно не сможет.

– Хоуп, это ты? – спросила Мэрианн и запнулась, когда Хоуп подошла ближе.

Она остановилась в нескольких футах и с робкой улыбкой протянула матери цветы.

- Это я, - сказала она. - С Днем матери!

Ее мать прижала к худой груди одну трясущуюся руку и вытянула другую - то ли чтобы взять букет, то ли чтобы коснуться щеки Хоуп. Но вмешалась Райлин.

- Он уже идет сюда, - сказала она. - Все в порядке, Мэрианн. Тебе нет необходимости разбираться с плохими новостями. Джед уже здесь.

Мать уронила руку, и Хоуп увидела, что в парк входит ее отец. В животе у нее угнездился страх. Угрюмое выражение лица было для него обычным - что-то иное могли принять за фривольность... Но его лицо просто потемнело, когда маленькая девочка подбежала к нему и затараторила:

- Ее зовут Хоуп, папочка. Я слышала, как она сказала, что это ее имя. Правда, она симпатичная? И у нее симпатичное имя, правда, папочка?

Отец прошел мимо девочки, даже не показав, что знает ее. Он был высоким и импозантным, как Авраам Линкольн, и по-прежнему носил длинную бороду. По обе стороны рта шли полосы проседи, что только подчеркивало хмурое выражение лица. Волосы его заметно поредели, но на лице возраст совсем не отразился. Время не смогло смягчить его каменные черты, как не смогло смягчить каменное сердце.

- В чем дело? Что тут происходит? - закричал он и на длинных ногах быстро преодолел расстояние между ними.

За ним торопливо шли два его брата - дяди Хоуп. Рулон представлял собой копию отца, только был немного выше ростом, по последним подсчетам Хоуп, у него было восемь жен. А Эрвин был в семье самым низкорослым - это за него Хоуп отказалась выйти замуж. Он был очень худым. Под мятой белой рубашкой его грудь казалась впалой, а живот был так туго перетянут ремнем, что бедренные кости резко выступали. Но в свои пятьдесят шесть он еще не растерял волосы, и черные пряди свисали ему почти до плеч. Он был старше отца на год, и Хоуп должна была стать его десятой женой.

Хоуп инстинктивно сжала в руках букет. Ей хотелось убежать, вот только ноги отказывались ее нести. Не сейчас, когда Черити в свои двадцать три года стоит перед ней с таким измученным и замотанным видом. За кого, интересно, отец выдал ее замуж?

– Хоуп вернулась, – умиротворяющим тоном сообщила ее мать, когда Джед к ним приблизился.

Взгляд отца скользнул по тонкой фигурке Хоуп, фигурке, которую она унаследовала от него. Она знала, что он сейчас собирает воедино все произошедшие в ней перемены, особо отмечая ее шорты хаки и белую хлопковую блузку. Она была одета как язычница, как чужая, и ему это нравилось не больше, чем тот факт, что она ходит с открытыми ногами. Она думала, не надеть ли ей длинное платье, но это сочла уж слишком большой уступкой. Хоуп была одной из них и одновременно не была. Она была изгоем. И как бы она ни скучала по сестрам и матери, годы, которые она провела здесь, сейчас казались словно из другой жизни. Она познала свободу передвижения на собственной машине и свободу в принятии решений, силу образования и радость оттого, что она может быть самостоятельной. Она жила в мире, где женщины равноправны с мужчинами. Она могла говорить и быть услышанной и имела перспективы что-то изменить.

Ей хотелось открыть своим сестрам именно это. Дать шанс узнать то, что узнала она сама, – что в мире есть люди, которые думают не так, как их отец. Шанс взять больше от этой жизни.

– Отец, – пробормотала Хоуп, хотя давняя обида вернулась к ней и придавала горечь этому слову. Если бы не его окончательное предательство, если бы не его потакание похотливому интересу Эрвина, возможно, она бы не сделала в амбаре того, что сделала. И ей бы не пришлось платить ту ужасную цену, которую она заплатила.

– И как у тебя только хватило наглости появиться здесь в день, когда все почитают своих матерей, хотя ты делала ровно противоположное! – рявкнул отец.

– Я никогда не выказывала непочтение матери. – Хоуп многозначительно глянула на Эрвина. – Я навлекла бы на себя позор, если бы сделала что-то

подобное.

– Ты попрала закон Божий! – крикнул Эрвин. Одного брошенного взгляда оказалось достаточно, чтобы он завелся.

– Закон Божий? Или твой собственный? – парировала она.

– Твои слова греховны, – сказал отец. – Я не позволю тебе говорить с Эрвином в таком тоне. Он всегда любил тебя и не сделал тебе ничего плохого. Это ты обманула его.

На мгновение Хоуп вспомнила торопливые прикосновения своего дяди во время, когда была еще ребенком. Его длинные прохладные пальцы использовали любую возможность, чтобы коснуться ее, он всегда вызывался отвести ее на горшок или полечить содранную коленку. Он едва дождался, когда она вошла в детородный возраст, и сразу же попросил у брата ее руки.

– Он не имел права настаивать, раз я ему отказала. Мне было всего шестнадцать, – сказала она.

Отец отмахнулся от ее слов:

– Твоей матери было пятнадцать, когда она вышла за меня.

– Не имеет значения. Я была бы очень несчастлива.

– Избави меня бог сделать то, что вызовет твое недовольство! Надо же, какая принцесса! – взревел Джед. – Разве я воспитывал тебя в мысли, что ты слишком хороша для достойного мужчины? Разве я потакал твоему тщеславию? Бог накажет тебя за твою гордость, Хоуп.

– Ему и не придется ничего делать, – сказала она. – Ты уже сам сделал достаточно.

– Хоуп, не говори так, – умоляюще сказала ее мать.

Но в Хоуп кипятком взбурлила обида, и ей было уже не остановиться.

– Сделанное тобой во имя религии хуже всего, о чем я могла только подумать, не то что сделать, – сказала она отцу. – Ты используешь Бога, чтобы манипулировать и подавлять. И чтобы казаться себе значительней, чем ты есть на самом деле.

Джед замахнулся, словно хотел ее ударить. В прошлом он несколько раз поднимал на нее руку – например, в ту ночь, когда она сбежала из Супериора, – но Хоуп знала, что сейчас он не станет ее бить. Не на глазах у всех. Если он ударит ее, она может обратиться в полицию, а Предвечная апостольская церковь не любит этого. И хотя было практически нереально доказать, что многоженство незаконно, было несколько случаев, когда члены общины действительно попадали в тюрьму, хотя в основном за совершенные ими преступления, а не за многоженство *per se*. [6 - Само по себе, по сути (лат.).]

Однако, судя по ропоту в быстро собирающейся толпе, Хоуп осознала, что зашла слишком далеко. Она приехала с намерением быть дипломатичной, убеждая себя, что у родных все хорошо. Она только хотела посмотреть, не может ли она чем-то помочь своим сестрам. Но вместо этого она оскорбляет своего отца и церковь. Но она ничего не могла с собой поделать. Она смотрела на их жизнь другими глазами, а та слишком мало изменилась.

– Я вынужден просить тебя уйти, – сказал ей отец.

В общем-то это был общественный парк, но Хоуп не стала ему на это указывать. Отец всегда верил, что его власть распространяется за пределы привычной области, поскольку, пока дело касалось его семьи и церкви, так и было. Для него просто не существовало всего остального мира, так что, оставшись в парке, она только навредила бы остальным.

Хоуп глянула на Фейт и Черити:

– Кто-нибудь из вас хочет поехать со мной?

Сестры уставились в пол. Мать открыла рот, словно собираясь что-то сказать, но потом крепко сжала губы.

– Хорошо, тогда я ухожу, – сказала Хоуп, когда никто не проронил ни слова.

Но Фейт схватила ее за руку.

– Сегодня День матери, – сказала она, не отпуская сестру и обращаясь к отцу. – Может, Хоуп побудет здесь час или два?

– Мы так давно ее не видели, – добавила Мэрианн. – Она не имела в виду то, что сказала. Она на самом деле так не думает, я знаю.

– Зачем ей вообще уезжать? Мне кажется, мы должны отпраздновать ее возвращение, – сказала Фейт. – Ты же помнишь историю о возвращении блудного сына. Сейчас время для радости. – Она заколебалась. – Даже если она не собирается здесь надолго задерживаться. Мы должны, по крайней мере...

– Держись подальше от нее, маленькая мисс. Я не позволю ей отравить тебе душу, – сказал Эрвин, и собственнические нотки в его голосе сообщили Хоуп, что Фейт ему больше чем просто племянница. Сестра носит его ребенка?

От этой мысли Хоуп сделалось дурно. Она приехала за Черити и Фейт слишком поздно. Она посмотрела на свою восемнадцатилетнюю красавицу сестру с глубокой печалью.

И Фейт снова отвела взгляд.

– Я имела в виду именно то, что сказала. Каждое слово, – сказала отцу Хоуп.

– Тогда уходи и не трудись возвращаться, – отрезал он.

Хоуп посмотрела на обступивших их женщин и детей – взрослых, подростков, малышей и всех остальных.

– Я больше не вернусь. У тебя столько детей, что одной дочерью меньше, одной больше... Какая разница?

Уронив цветы на землю, она повернулась и побрела к своей машине, не разбирая дороги. Она поняла, что не сможет спасти никого, и по ее щекам покатились слезы. Они слишком сильно вросли в свой образ жизни, и ими слишком легко

манипулировали при помощи видений, которые, по его утверждениям, были у отца.

Раньше она сама была такой же.

Но когда Хоуп вошла на парковочную площадку, из кустов к ней выбежала та самая маленькая девочка, которая всего несколько минут назад назвала ее симпатичной. Девочка перехватила ее у самой машины, когда Хоуп уже собиралась открыть дверцу. Она явно бежала со всех ног и совсем запыхалась.

– Фейт просила... передать тебе... что хочет встретиться с тобой на кладбище... вечером в одиннадцать часов.

Глава 2

Хоуп сидела в парке на качелях. Было уже темно, и единственный свет давала луна да фонарь на другой стороне улицы. Она ждала Фейт. Сестра попросила о встрече на кладбище, но она все равно бы не прошла мимо качелей, а у Хоуп не было никакого желания заходить на кладбищенскую территорию. И совсем не из-за боязни привидений. Она не любила Супериорское кладбище, потому что старые и покосившиеся надгробия напоминали о тех, кто так и не смог вырваться из рабства Предвечной апостольской церкви. Здесь похоронят ее мать и сестер, хотя они никогда по-настоящему не жили...

– Хоуп, это ты? – послышался сзади из темноты голос Фейт, и Хоуп обернулась.

– Я. Иди сюда и садись рядом.

Сестра вошла в полосу лунного света, защищаящим жестом придерживая раздувшийся живот, и Хоуп поразились его размерам. Сколько же у нее месяцев? Восемь?

Фейт внимательно огляделась, словно боясь, что кто-то их увидит.

– Спасибо, что пришла.

– Хочешь, поговорим где-нибудь в другом месте? – спросила Хоуп. – Мы можем сесть в машину и куда-нибудь поехать.

– Нет. Если я сяду с тобой в машину... – Фейт не закончила предложение. Она села на качели рядом с Хоуп и стала медленно раскачиваться, отталкиваясь ногами.

«Что будет, если ты сядешь со мной в машину?» – чуть не спросила Хоуп, но ей не хотелось давить на сестру. Хоуп хотела дать ей возможность сказать то, ради чего она сюда пришла.

По Мейн-стрит прогрохотал старый грузовик. Хоуп видела, как он остановился на красный свет на перекрестке у парка и потом тронулся с места, когда на светофоре зажегся зеленый. В Супериоре было не слишком плотное движение, особенно поздно вечером. Предвечная апостольская церковь не поощряла хождение по магазинам и посещение кафе с ресторанами в Священную субботу, поэтому то немногое, что вообще открывалось, работало только до пяти. Даже бензоколонка.

– Значит, ты умеешь водить машину? – спросила Фейт, когда грохотание грузовика стихло и единственным нарушавшим тишину звуком стал скрип качелей.

Хоуп кивнула:

– Да, с девятнадцати лет.

– И куда ты поехала сегодня? После того как ушла из парка.

– В Прово. Я подумала, что будет интересно пройтись по незнакомому моллу.

– Прово же очень далеко отсюда.

– У меня было время. – Глубоко вздохнув, Хоуп посмотрела на сестру. – Это ведь Эрвин, не так ли? – спросила она. – Отец твоего ребенка – Эрвин.

Лицо Фейт неприязненно исказилось.

- Да. Как ты узнала?

- Нетрудно было предположить.

Наступило молчание.

- Но если ты беременна от Эрвина, значит, вышла за него замуж?

- А как ты думаешь? Он притворяется, что живет по Евангелию, хотя на самом деле он высокомерный, злобный и скупой.

Даже когда она была ребенком, а Эрвин угощал ее сладостями, которые всегда таскал в карманах, шестое чувство подсказывало Хоуп, что у его нетерпеливой улыбки есть темная сторона. Хоуп делала все возможное, чтобы держаться от него на расстоянии, и в конце концов это привело ее к открытому неповиновению. У Фейт же был более спокойный и терпеливый характер. Ей было всего восемь лет, когда Хоуп видела ее в последний раз, но даже тогда сестра всегда стремилась к миру и спокойствию. Типичный средний ребенок, она напоминала котенка, который при малейшем намеке на похвалу или внимание сворачивается клубочком и начинает мурлыкать, - самая терпеливая и послушная из пяти дочерей Мэрианн.

«И вот что принесла ей эта покладистая натура», - горько подумала Хоуп, глядя на округлившийся живот сестры. Принесла ребенка Эрвина.

- А что, Черити тоже отказалась выходить за Эрвина? - спросила она. - Почему выбор пал на тебя?

Фейт нахмурилась и искоса глянула на Хоуп:

- Ты сделала именно это одиннадцать лет назад и опозорила папу перед всей церковью. Думаю, он не хотел побуждать Черити сделать то же самое.

- Думаешь, она бы отказалась?

Фейт пожала плечами:

– Черити больше похожа на тебя, чем я.

– А ты считаешь, что женщина должна выходить замуж за человека, которого терпеть не может, чтобы потешить гордость отца?

– Нет. – Фейт поерзала, и качели скрипнули. – Эрвин всегда восхищался тобой. Он просил папу отдать ему тебя, когда ты была еще маленькая, и папа ему пообещал, вот и все. Я просто пытаюсь объяснить, почему папа сделал то, что сделал.

– Фейт, я понимаю, почему он так поступил. Но это не значит, что это правильно. Я любила другого.

Фейт затормозила качели мыском теннисной туфли. Казалось, она только что заметила, что длинный подол ее хлопкового цветастого платья волочится по земле.

– У Черити тоже были причины не выходить за Эрвина, – сказала она.

– Что ты имеешь в виду?

– Я говорю о Боннере.

При упоминании его имени по позвоночнику Хоуп прокатился озноб.

– При чем тут он?

– Через пару лет после твоего отъезда его родители пришли к отцу, чтобы сказать, что они молились о будущем для Боннера и Бог сказал им, что Черити должна стать его первой женой. И еще сказали, что Бог хочет наградить его за то, что он не сбежал с тобой.

Наградить его? За то, что он цеплялся за безопасность, которую давали родители и их традиции, даже если сам в них не верил? За то, что разбил ей сердце?

Хоуп заставила себя выровнять дыхание, набрать воздух и потом выдохнуть. Тогда боль стихнет...

- Так Черити вышла за Боннера? - спросила она. Собственный голос показался ей тихим и дребезжащим. - И именно их детей я видела сегодня с Черити?

- На самом деле у них трое детей, - сказала Фейт. - Старшую ты, наверное, не видела. Перл, Ладонна и Адам.

Хоуп хотелось пригнуть голову к коленям, чтобы прекратить нахлынувшее на нее головокружение, но она сказала себе, что после одиннадцати лет отсутствия переживет эти новости. Ее чувства к Боннеру давно уже превратились в полное разочарование, так ведь? Она могла бы предположить, что произойдет нечто подобное.

- У него есть еще жены?

- Ему пришлось жениться на вдове Филдс.

- Потому что...

- Потому что никто больше не хотел этого делать, я думаю. Она подала прошение святым братьям, и они так решили. Это было что-то вроде соглашения.

Хоуп не знала, что и сказать. Несмотря на то что Боннер был восемнадцатилетним мальчишкой, когда они клялись друг другу в вечной любви, она ожидала много большего. Казалось, он никогда не шептал ей во тьме тех слов и никогда не вынашивал планы, которые в итоге привели к страданиям.

- Кроме того, примерно три года назад он женился еще на Джоанне Степли. И уже попросил руки Сары. На будущее, когда она достаточно повзрослеет, - добавила Фейт.

Услышав имя еще одной своей сестры, Хоуп почувствовала, что у нее на голове зашевелились волосы.

- Он хочет получить Сару?

- А почему нет?

- Ей всего четырнадцать!

- Ей так хочется получить мужа моложе сорока, что она готова выйти за него немедленно.

Хоуп с отвращением вздохнула:

- Это безумие, Фейт. Она еще совсем ребенок. Когда ей исполнится восемнадцать, ему будет тридцать два. Не так уж далеко от сорока.

- Может, где-то там это и кажется странным, но не здесь. Тебя долго не было.

Слишком долго. Или недостаточно долго. Хоуп не могла решить, что правильной.

- Почему ты вернулась? - спросила Фейт. - Надеялась, что... может быть... Боннер передумает?

Хоуп коснулась своего собственного живота, снова ощущая фантомный толчок ребенка Боннера. Она много думала о Боннере все эти годы, мечтала, что он передумает и найдет ее, что они заберут ребенка и заживут одной семьей. Но она знала, что если у него не хватало мужества уехать с ней, когда на кону была их любовь и ребенок, то оно уже и не появится.

Хоуп ничего не ответила, и Фейт ухватилась за качели.

- Я уверена, что он принял бы тебя назад, - сказала она. - Я видела его лицо, когда Черити сказала ему, что ты была в парке.

- Ты ошибаешься.

- Нет, я видела сожаление и... боль.

Какую бы боль Боннер ни испытывал, она не сравнится с той, что вынесла Хоуп. Она в этом не сомневалась.

– Значит, ты считаешь, что я должна стать его... какой? четвертой женой? – спросила она и горько рассмеялась. – Джед был бы счастлив.

– Это точно, – искренне сказала Фейт.

Хоуп покачала головой:

– Нет, это всегда напоминало бы о том, что я в итоге поступила по-своему. Он не может создать такой прецедент. У него еще остались две дочери, которых можно принудить к нежеланным бракам. Возможно, он даже планирует отдать их Эрвину.

Фейт съежилась.

– Я так не думаю. Ему не слишком нравится, как Эрвин обращается со мной. Где-то в глубине души папа знает, что ты была права насчет Эрвина. Он просто не готов это признать.

Сколько дочерей он готов из-за этого отдать на растерзание?

– Как тебе удалось выскользнуть из дома? – спросила Хоуп. – Не представляю, как Эрвин мог оставить тебя одну, зная, что я в городе.

– Он сейчас с Рэйчел, семнадцатилетней дочкой Тэтчера. Они поженились только неделю назад, и пока она ему не надоела. Он любит молоденьких, Хоуп. Он почти не расставался со мной в первый год после свадьбы. Но потом я забеременела. Мой большой живот кажется ему... непривлекательным, так что он практически всегда спит в другом месте.

– Тебя огорчает, что он уходит к другим?

– Нет, я этому очень рада. Я едва выдерживаю его прикосновения, – сказала Фейт, содрогнувшись.

При мысли, что ее восемнадцатилетняя сестра недостаточно молода для Эрвина, Хоуп ощутила во рту привкус желчи. А может, и от представившейся картины, как он прикасается к Фейт.

– Мы должны вызвать полицию, – сказала она. – Если Рэйчел нет восемнадцати, это считается изнасилованием.

Фейт резко опустила плечи:

– Я не могу так поступить с папой. Это выставило бы церковь в негативном свете и повредило семьям, которые стараются жить по «принципу».

Хоуп хотелось спросить, какая связь между принципом, по которому живут эти люди, и возрастом. Но она понимала, что Фейт испытывает гораздо больше симпатии к верованиям церкви, чем она сама, особенно после столь долгого отсутствия.

– Насильников не должны принимать ни в каком обществе. Даже в таком тесно связанном, как это, – сказала она, придерживаясь логической цепочки, которую Фейт не сможет опровергнуть.

– Не думаю, что его можно назвать насильником, – сказала та. – Рэйчел вышла за него замуж, не особенно сопротивляясь. И он слишком осторожен, чтобы прикоснуться к кому-то, кроме своих жен.

– Ты в этом уверена? А его дети?

– Не думаю, что он мог причинить кому-то из них боль, – сказала Фейт, но ее голосу недоставало уверенности, и Хоуп занервничала еще сильнее.

– Ты рассказывала Джеду о своих подозрениях?

– Каких еще подозрениях? Я же сказала, что не считаю его способным причинить боль кому-то из своих детей.

– Ты боишься, что он может сделать это.

Фейт медлила с ответом.

- Фейт?

- Ну, я уже пыталась поговорить с папой кое о чем сказанном Эрвином, но он не стал меня слушать. Эрвин - его брат, и к тому же набожный.

- Набожный? - фыркнула Хоуп.

- Он притворяется таким, особенно перед святыми братьями. К тому же ты ведь знаешь, что полиция ничего ему не сделает. Ты ведь слышала, как папа говорил уже миллион раз: «Здесь Америка. Преследовать людей за их веру идет вразрез с принципами, на которые опирается эта страна. Мы просто живем по Божьим законам. Мы что, должны забыть Его слова только потому, что кто-то решил, что так надо?»

Хоуп и хотелось бы согласиться, что уважение к свободе веры может быть той причиной, по которой полиция, как правило, не лезла в дела общины. Но она знала, что здесь в немалой степени замешана политика. В 1957 году, в последний раз, когда власти попытались прижать многоженцев, телеканалы стали показывать отцов, которых отрывали от плачущих жен и детей, и общественное мнение быстро обернулось против полиции и ее попыток что-то сделать.

- Полиция вмешается, если мы сможем доказать, что с детьми плохо обращаются, - сказала она.

- В том и проблема. У меня нет доказательств. Только неприятное чувство, что с Эрвином что-то не так.

Одиннадцать лет назад Хоуп уже испытывала подобное чувство. Но по одному только подозрению трудно признать кого-то виновным.

- Знаешь, они любят тебя, - вдруг сказала Фейт, переводя разговор на другую тему.

- Кто? - не поняла Хоуп.

- Папа. Боннер. И может, даже Эрвин.

- Очень в этом сомневаюсь.

- Ну, папа уж точно любит.

- В его сердца нет места ни для чего, кроме веры.

- Я знаю, что он влюблен в церковь. Но ведь он позволил тебе вернуться. Тебе надо только показать ему, что ты раскаиваешься.

Хоуп раскаивалась. Не проходило ни дня, чтобы она не пожалела... что доверилась восемнадцатилетнему мальчишке, который говорил, что любит ее больше жизни. Что не имела денег, чтобы вырастить его ребенка. Но она понимала, что милая и невинная Фейт говорит о другом раскаянии.

- А как же то, что я опозорила отца, как ты сама сказала? Разве Джед сможет простить мне такое?

Если Фейт и услышала в голосе Хоуп сарказм, то никак этого не показала. Она смотрела на старшую сестру с искренней заботой, как и всегда.

- Ему придется простить. В Библии говорится «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших».

Хоуп знала, что говорится в Библии. Строфа за строфой вбивались в нее с самого рождения. Ей очень неохотно позволяли читать что-то, кроме нее. Но за последние одиннадцать лет она ни разу не открыла Священную книгу. С тех пор, как уехала. Из-за того что священные писания использовали как инструмент, чтобы заставить ее жить так, как она не хотела... один только вид черной кожаной обложки вызывал у нее приступ клаустрофобии.

- До седмижды семидесяти раз,[7 - Полная цитата «Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз» (Евангелие от Матфея, глава 18).] - пробормотала она.

– Верно, – подтвердила Фейт. – Если ты вернешься домой, святые братья будут настаивать, чтобы папа простил тебя, если он сам этого не сделает. И вы с Боннером наконец будете вместе.

Они с Боннером...

– Вместе с еще парочкой моих сестер и вдовой Филдс?

– Это так ужасно?

– Для тебя, возможно, и нет.

– Тогда выйди за кого-нибудь, кто тоже не хочет жить по «принципу». Может, даже за кого-то вне общины. В Супериоре же есть люди, которые не придерживаются многоженства. И в других городках, здесь поблизости. Не надо отъединяться от нас целиком и полностью.

– Я считала, что, если выходишь замуж за кого-то вне общины, то Небеса от тебя отвернутся, – сказала Хоуп просто из желания услышать, что ответит сестра.

– Я не знаю, Хоуп, – сказала Фейт. – Не буду притворяться, что много знаю о Небесах. Если они и существуют, то мне сложно в них поверить. С тех пор как я вышла за Эрвина... ну, мама бы сказала, что это мою веру проверяют на прочность. – Она слабо улыбнулась. – Но я теперь уже не уверена, что учение церкви действительно истинно. Если это так, почему только мы в него верим? Мы же не единственные люди на земле, которые попадут на Небеса. В любом случае я знаю одно: семья – это единственное, что у нас есть в этой жизни. И мы скучали по тебе. У папы, может, и тридцать пять детей, но у мамы только пять, и ты одна из нас. После твоего отъезда она так больше и не стала прежней.

Хоуп не сдержалась и взяла за руку младшую сестру. Они потеряли одиннадцать лет, и ничто им не восполнит этого времени. Ей было жаль, что она причинила боль своей матери.

– Фейт, я ценю то, что ты говоришь. Правда, ценю, – сказала она. – Я бы не уехала, если бы за этим стояло просто мое желание. Но я не могу вернуться. Если я не буду жить по «принципу», Джед не позволит нам с тобой общаться. Он

слишком боится, что я уведу от его веры тебя и других детей. Кроме того... – Хоуп заколебалась, не желая расстраивать сестру своим напором.

– Кроме того?... – спросила Фейт.

– Я не хочу возвращаться сюда, – призналась Хоуп. – Я не могу жить там, где мной будут манипулировать с помощью чувства вины. Я не могу подчинять свою волю мужчине, поскольку больше не считаю, что женщины – низшие существа. И я не могу верить, что наше единственное предназначение состоит в том, чтобы рожать детей. У нас есть много других талантов и возможностей. И я не могу верить, что у Бога так мало сострадания к Его дочерям, что Он ждет от нас, что мы будем отдавать нашим мужьям больше, чем получаем.

Ответом на ее слова было молчание. Хоуп смутилась страсти в собственном голосе и поняла, что ее слова, скорее всего, показались сестре слишком радикальными. Но она провела много лет мучительно размышляя о том, во что верит, а во что нет, и не могла спокойно говорить о сделанных ею выводах.

– Не буду говорить, что ты не права, – сказала Фейт. – Я этого не знаю.

– Тогда как же ты смогла сделать это? – спросила Хоуп. – Как ты смогла остаться здесь и пустить в свою постель Эрвина?

– Я говорила себе, что моя неудовлетворенность идет от Сатаны, который старается увести меня от истины. Но, как ты уже, наверное, догадываешься, – она подвернула платье вокруг ног, – это не сработало. Иначе меня бы сейчас здесь не было. Я была бы защищена от твоего «опасного влияния», как сказал сегодня папа, после того как ты ушла из парка.

– Очень мило с его стороны, – пробормотала Хоуп. – Предполагаю, что он несколько иначе относится к блудным родственникам, чем библейский отец?

– Он сказал, что библейский блудный сын был скромным и раскаивался. – Фейт посмотрела в сторону кладбища. – Если тебе от этого станет легче, думаю, ему было трудно от тебя сегодня отвернуться.

Хоуп не хотелось это обсуждать. У нее не осталось к отцу никаких чувств. А положительных и раньше было слишком мало, чтобы от них отталкиваться.

- А что мама говорит насчет твоей проблемы с Эрвином?

- Говорит, что рождение ребенка мне поможет. Но она признает, что одиночество, скорее всего, никуда не исчезнет.

- Ты не считаешь, что это трагедия?

- Что именно?

- Знать, что тебе уготована жизнь в одиночестве до конца своих дней, а ты красивая, здоровая и тебе всего восемнадцать?

Фейт прикусила губу, обдумывая слова Хоуп.

- Думаю, что она считает, что это бремя, которое должны нести женщины, и нести вместе, - сказала она наконец.

- Почему? - спросила Хоуп.

- Ради большей награды, которую мы получим после смерти.

- Но ты сказала, что не уверена в правильности учения церкви. А это означает, что твоя жертва может оказаться совершенно напрасной.

Молчание.

- Ты не обязана оставаться здесь, Фейт, - сказала Хоуп. - Есть еще весь остальной мир.

- А как же мама? А сестры? У меня здесь племянники и племянницы и все друзья.

Хоуп заметила, что она не упомянула ни мужа, ни отца.

– Ты не можешь прожить всю жизнь ради других людей, – сказала Хоуп. – Позволь им принимать собственные решения и сама решай за себя.

– Но я не такая сильная, как ты, Хоуп. Я не уверена, что смогу жить самостоятельно. Кроме того, иногда слова церкви проникают мне в душу. Иногда я думаю, что папа прав.

– Я тоже так думаю, – сказала Хоуп. – Возможно, он не прав только в определенных вещах. Я верю, что важно жить правильно, быть честной, помогать другим, развивать свои способности. Но разве здесь подходящее место для всего этого? А твой малыш? Если родится девочка, ты хочешь, чтобы она была одной из множества жен? Чтобы ей пришлось терпеть эмоциональный голод, пока муж находится с бог знает какой по счету женой? Чтобы у нее не было никакой надежды на жизнь без всепоглощающего чувства вины?

Фейт подняла голову, чтобы посмотреть на сестру, и луна окатила ее лицо серебристым светом.

– Ты смогла дать своему ребенку что-то лучшее?

– Надеюсь, что да. – Хоуп прижалась лбом к одной из холодных металлических цепей, на которых висели качели. – Не могу гарантировать, но я, по крайней мере, увеличила шансы.

– И ты готова согласиться с тем, что больше никогда не увидишь своего ребенка?

Вопрос Фейт был грубоватым и в некотором смысле даже безжалостным, но в ее голосе не было ни малейшего осуждения. Только искреннее желание понять, о чем жалеет Хоуп, как она жила и действительно ли мир за пределами общины – лучше.

– Было время, когда я этого не принимала. Но мне пообещали, что ее отдадут в хорошую семью, и я пока еще верю тем, кто мне это сказал. – Хоуп представила себе молодого и привлекательного администратора «Дома рождений». Паркер Рейнольдс поддерживал ее в один из самых трудных моментов жизни. И Лидия Кейн, такая энергичная в своем возрасте, подавала ей высококлассный пример того, какой может быть женщина. Они вдвоем вдохновили Хоуп собрать свою

жизнь по кусочкам, какие бы препятствия ни встречались ей по пути, и стать медсестрой-акушеркой. Но для этого ей пришлось уехать из Инчантмента. Она не могла жить там, где все будет напоминать ей о ребенке, которого она отдала, и дразнить возможностью когда-нибудь столкнуться с собственной дочерью.

– О чем ты думаешь? – спросила Фейт.

Хоуп отвлеклась от старых глинобитных домов, красных закатов, свежего, чистого воздуха и пахнущих соснами гор.

– Я рада, что моему ребенку не придется проходить то, через что прошла я, – сказала она. – Удочерение дало ей полную семью, у которой есть средства заботиться о ней. Но для тебя все будет по-другому, Фейт. Тебе не придется бросать своего ребенка. У тебя будет где жить и что поесть. И шанс окончить школу. Вот поэтому я и вернулась – чтобы помочь тебе, если ты примешь мою помощь.

Лицо сестры омрачилось сомнениями.

– Неужели ты никогда не мечтала уехать? – нажала на нее Хоуп.

– Я все время об этом мечтаю, – прошептала Фейт.

От тоски в ее голосе у Хоуп бешено забился пульс.

– Тогда скажи, чего ты больше всего хочешь от жизни.

– Я хочу... – Сестра снова уперлась мыском туфли в землю. – Не важно, – сказала она наконец. – Это не имеет никакого значения.

Хоуп взялась руками за цепи и, откинувшись назад, стала смотреть в небо.

– Это имеет значение, Фейт. Мечты всегда имеют значение. Видишь эти звезды? Выбери одну и иди к ней, никуда не сворачивая.

Фейт перевела взгляд в ночное небо:

– Звезда, которую я хочу, слишком далеко.

– Не слишком, если ты действительно веришь в нее.

– Я хочу себе нравиться, – тихо сказала сестра. – А... а иногда я мечтаю, что найду себе мужа. Мужчину, который посвятит мне и нашим детям все свое сердце. – Она уничижительно рассмеялась. – Я знаю, что это звучит тщеславно и эгоистично. Отец сказал бы, что я заслуживаю потерять право спастись, если не могу быть счастлива с хорошим, богобоязненным мужчиной, сколько бы ему ни было лет. Но я не люблю Эрвина. А я хочу любить мужчину, ребенка которого ношу.

Последние слова были сказаны таким почтительным тоном, что прозвучали почти как молитва.

– Каждая женщина должна иметь право на это, – сказала Хоуп.

– Нет, это бесовские мысли, и я, наверное, одержима, раз они приходят мне в голову.

– Они не бесовские, – возразила Хоуп. – И ты не одержима. – Она встала и повернулась к Фейт. – Поехали со мной. Я отвезу тебя домой и завтра покажу тебе огромный неизведанный мир.

Глаза Фейт широко раскрылись.

– Хоуп, я не могу. Я очень хотела бы, но я...

– Фейт, ты несчастна. Насколько тебя еще хватит? Не стоит дожидаться еще большего количества детей. От этого будет только хуже. Ты станешь чувствовать себя в ловушке еще сильнее.

Фейт покрутила золотое кольцо на пальце левой руки.

– Но я давала брачные клятвы.

– А как быть с клятвой, которую ты про себя дала будущему ребенку?

Фейт закрыла глаза.

- Я слушаю тебя, Хоуп. И часть меня верит, что ты права. Я просто...

- Просто - что?

Фейт снова посмотрела на небо.

- Я просто не знаю, смогу ли я. Это идет против всего...

- Сделай это ради своего малыша.

- А если я пожалею, что уехала?

- Не пожалеешь, - сказала Хоуп.

Похоже, что Фейт нужно было как раз такое уверенное заявление. Она выпрямилась, словно приняв решение.

- Ладно. - Она встала и взяла Хоуп за руку. - Поехали. Только быстро, пока...

- Пока - что, Фейт? - прервал ее мужской голос. - Пока об этом не узнал твой муж?

Глава 3

Хоуп потребовалось несколько секунд, чтобы разглядеть Эрвина в длинной тени деревьев. И ладони у нее вмиг стали влажными.

- Фейт, все будет в порядке, - пробормотала она. Ее сердце стучало, как молот.

Фейт же напоминала оленя, внезапно пойманного в полосу света фар.

- Эрвин, я...

- Что «ты»? - перебил ее Эрвин. - Ты решила сбежать от меня под покровом ночи? Поэтому ты здесь?

- Прости, - сказала Фейт. - Я знаю, что убегать вот так - неправильно. Но с тех пор как мы поженились, я чувствую себя несчастной. И я думаю, ты знаешь об этом.

- Так я тебя в постели не удовлетворяю? Хочешь получить между ног от какого-то язычника?

Фейт дернулась, словно в нее попала пуля, и Хоуп встала между ними:

- Это вульгарно, Эрвин. И низко. Даже для тебя.

- Вульгарно. - Он хихикнул. - Она такая чопорная, что никто на нее не польстится. Ты только глянь на нее. Думаешь, кто-то, кроме меня, восплает желанием к женщине, которая носит ребенка собственного дяди?

- Как ты смеешь принижать ее достоинства из-за того, что ты...

- Может, ты и мой дядя, но ты еще и мой муж, - одновременно с ней сказала Фейт. - Я не сделала ничего плохого.

Хоуп попыталась заслонить Фейт от Эрвина, но тот обошел ее сбоку.

- Людей за пределами общины не интересует, что ты считаешь хорошим, а что плохим. Они ведь не понимают жизни по «принципу». И будут считать тебя ненормальной, причем ненормальной без образования и средств к существованию. От тебя и твоего ребенка будут шарахаться. Ты этого хочешь? Стать посмешищем? Жить в полном одиночестве?

- У нее есть я, - сказала Хоуп.

- Не вмешивайся. Это не твоего ума дело, - оскалился Эрвин. - Твое место здесь, Фейт. Не позволяй Хоуп нарисовать тебе сказочную страну, которой не

существует.

– Не слушай его, – сказала Хоуп сестре. – Я не рисовала сказочной страны. И единственный ненормальный, которого я знаю, – это Эрвин. Давай выбираться отсюда.

Она потащила сестру за руку, желая уехать как можно скорее, пока Эрвин не попытался остановить их силой. Но Фейт запротестовала:

– А вдруг он прав, Хоуп? Вдруг я на самом деле не смогу приспособиться? Ты же не можешь заботиться о нас с малышом вечно.

– Ты прекрасно приспособишься, – откликнулась Хоуп. – А когда малыш подрастет, ты получишь образование и научишься обеспечивать и себя, и его. Тут не о чем волноваться. Я буду заботиться о тебе столько, сколько будет нужно. Вот увидишь. Давай же, поехали.

Но Фейт все еще колебалась.

– У меня к тебе столько вопросов, а я уже чувствую себя совершенно растерянной...

– А ты подумала о своей бедной матери? – спросил Эрвин. Его глаза блестели в темноте, как бутылочное стекло. – Хочешь разбить ей сердце? Ты же видела, что сделала с ней Хоуп, и теперь собираешься сделать то же самое?

– Я не хочу никому причинять боль, – сказала Фейт. Хоуп бросила на Эрвина взгляд, полный отвращения.

– Хватит притворяться. Ты не о нашей матери волнуешься. Ты волнуешься о себе.

– Да неужели? – парировал тот. Его блестящие глаза пронизывали Хоуп до костей и вызвали еще больше омерзения, чем в детстве. – У меня есть еще одиннадцать жен. Мне не нужна восемнадцатилетка, которая понятия не имеет, как доставить удовольствие мужчине. Она такая холодная, что мне приходилось практически силой раздвигать ей ноги.

Фейт судорожно вздохнула, а Хоуп подняла руку в защищающем жесте.

- Тогда дай ей уйти, Эрвин, - сказала она. - Она тебя не любит. И никогда не любила.

- И дать тебе то, что ты хочешь? После того, как ты так со мной обошлась? Да скорее ад замерзнет!

Хоуп не верила своим ушам. Ее предположение верно, дело было не в Фейт; он не испытывал к ней желаний, не нуждался в ней и явно не хотел иметь ее своей женой. Все дело было в прошлом.

- Видишь, Фейт? Он просто хочет мне отомстить. Нам пора ехать.

- Фейт, ты пойдешь со мной, - властно сказал Эрвин. - И немедленно, а то я позову других братьев и пожалуюсь на тебя.

Хоуп хотелось стереть с лица Эрвина его самодовольство. Он, очевидно, считает, что выиграл схватку. Она боялась того же. Но что она может сделать? Фейт совершеннолетняя, и она беременна. Она должна сама принимать решение.

- Мы идем домой, - с нажимом сказал Эрвин.

Фейт посмотрела на парковку, где стояла машина Хоуп.

- Я живу в одном доме с двумя другими женами, - наконец сказала она. - И ты им нравишься не больше, чем мне. У меня нет дома. - Выпрямив спину и высоко подняв голову, она повернулась и зашагала к «импале».

Хоуп испытала прилив чистого адреналина и заторопилась за ней. Фейт все-таки сумела пройти до конца. Она оставила позади Эрвина, Супериор и Предвечную апостольскую церковь!

- Вы станешь парией! - крикнул ей вслед Эрвин.

- Не слушай его, - сказала Хоуп.

– Я не позволю тебе вернуться, если ты уедешь! – заорал Эрвин. – Ты только что навсегда попрощалась со своими друзьями и родными, не говоря уже о своем спасении. Ты будешь гнить в аду вместе с Хоуп!

Хоуп уже открыла рот, чтобы сообщить ему, что он тоже будет истекать потом, там, с ними, но Фейт повернулась и ответила сама.

– Я лучше пойду в ад с Хоуп, чем проведу с тобой еще хотя бы одну ночь, – заявила она и села в машину.

Ошеломленная Хоуп вскарабкалась на соседнее сиденье, завела двигатель и стала выруливать с парковки.

Они молча ехали в южном направлении. Больше часа единственным слышимым звуком оставался скрип шин по асфальту. В конце концов Хоуп не выдержала и включила радио, надеясь, что музыка смягчит бушующие в ней эмоции и поможет ей восстановить душевное равновесие. Но, увидев, какой взгляд бросила сестра на радио, она быстро выключила его. Хоуп не хотелось, чтобы Фейт, едва выйдя за пределы защищенности общины, почувствовала себя шокированной. В Супериоре конечно же были и обычные радиостанции, но Предвечная апостольская церковь настаивала, что ее прихожане не должны слушать «бесовскую музыку», – и Хоуп предположила, что Фейт соблюдала это правило.

– Можешь послушать, если тебе хочется, – вежливо сказала Фейт, когда музыка стихла.

В голосе сестры ничто не выдавало ее эмоций, и Хоуп встревожилась. «Лучше бы она поплакала», – подумала она. Но после побега из Супериора Хоуп сама смогла заплакать только через год. И глаза Фейт были сухими. Возможно, это было семейной чертой.

– Да нет, все нормально, – сказала Хоуп. – Я просто не подумала.

На мгновение их осветили фары встречной машины. Мимо пронесся грузовик, и они снова оказались на дороге одни. С того момента, как они выехали с

парковки, Хоуп нервно поглядывала в зеркало заднего вида. Просто на всякий случай. Она не желала, чтобы Эрвин или еще кто-то проследил за ней. Она потратила слишком много времени на обустройство безопасного места, чтобы сейчас поставить его под удар.

- С тобой все в порядке? – спросила она, с тревогой посмотрев на сестру.

Фейт так и не поменяла положения с тех пор, как они тронулись с парковки, – колени вместе, спина прямая, руки чинно сложены на животе.

- Думаю, да.

В машине становилось чересчур жарко, и Хоуп сдвинула переключатель кондиционера. А потом заставила себя задать сестре вопрос, без ответа на который они не могли двигаться дальше:

- Ты не передумала, Фейт? Не хочешь, чтобы я отвезла тебя обратно?

Та не мигая смотрела в окно, и Хоуп предположила, что она смотрит на прерывистую желтую линию посреди дорожного полотна, которое проносилось под колесами машины. Каждый отрезок дорожной разметки уносил ее все дальше от родного дома. От всего, что она знала и во что верила, и даже от того, что она верила, что когда-нибудь сделает.

Наконец Фейт шевельнулась и уселась поудобнее на сиденье.

- Нет, – ответила она.

Хоуп облегченно вздохнула. «Не волнуйся. С каждым днем, с каждой неделей будет становиться легче, – хотелось сказать ей. – Я тоже через это прошла». Но сейчас было неподходящее время обсуждать будущее. Лучше завтра с утра. Сестра наверняка очень устала. И если чувствует то же, что чувствовала Хоуп, когда сбежала, то она в таких растрепанных чувствах, что вообще мало что понимает.

Через несколько миль Фейт стало клонить в сон. Когда ее дыхание стало ровным, Хоуп тоже немного расслабилась. Положение, в котором оказалась

Фейт, сильно напоминало то, в котором она сама оказалась одиннадцать лет назад. Но Хоуп дала обещание себе, что история ее сестры кончится по-другому. Фейт не придется отдавать своего ребенка. Ей не придется испытать боль, которую Хоуп чувствовала всякий раз, когда думала о малыше, которому дала жизнь, но которого ни разу не держала на руках. Ей не придется думать, правильное ли решение она приняла, отказавшись от ребенка, которого любила всем сердцем.

Фейт, правда, придется лгать об отце своего ребенка.

На ум Хоуп тут же пришли слова, брошенные Эрвином в парке. Она поежилась.

«Думаешь, кто-то, кроме меня, восплает желанием к женщине, которая носит ребенка собственного дяди?... Тебя будут считать ненормальной... От тебя и твоего ребенка будут шарахаться...»

Вот подонок. Это из-за него она перестала быть нормальной. Хоуп не сомневалась, что, пока Фейт пересиливала отвращение и подчинялась ему, считая, что не может противиться закону Божьему, Эрвин наслаждался этим извращением, с одобрения церкви занимаясь сексом с собственной племянницей.

Справа показалось шоссе номер 14. Хоуп свернула на него, потом выехала на федеральную трассу номер 15 и по ней направилась к городку Сент-Джордж. Она снова ехала с превышением скорости, но была слишком поглощена своими мыслями, чтобы обратить на это внимание. Конечно, ни для ребенка, ни для самой Фейт в ее родственных узах с Эрвином не было ничего хорошего. Но у всех есть секреты. Хоуп удалось утаить свое прошлое почти ото всех. Если не считать тех, кто ее знал в «Доме рождений», – Лидии Кейн, Паркера Рейнольдса и других служащих.

Кого волнует еще один скелет, если в шкафу их уже штабеля?

* * *

Часа через полтора бушующий в Хоуп адреналин стал уходить, и глаза у нее защипало от усталости. Когда она наконец свернула на свою тихую улочку с

маленькими кирпичными домами, ей до смерти хотелось залезть в постель и хотя бы на несколько часов забыться глубоким сном. И уже потом попытаться помочь сестре посмотреть в лицо своему будущему. Хоуп обычно сторонилась других ради повышения своей работоспособности – и до определенной степени была хамелеоном. Она подстраивалась. Она плыла по течению. Она скрывала ту часть себя, которая испытывала боль. Но помощь Фейт означала, что ей придется вступать в эмоциональные связи, и это пугало ее больше, чем все остальное. Что, если Фейт не сможет преодолеть вбитые в нее учения святых братьев? Что, если она сдастся и вернется в общину? Что, если Фейт цепляется за прошлое так сильно, что и самой Хоуп придется посмотреть ему в лицо?

Хоуп не хотелось снова вникать в это, не хотелось думать о Супериоре и своей жизни там. Это только оживляло ее давние страдания. Воспоминания о Боннере и так порой ее одолевали. В ее сознании он был неразрывно связан с ребенком...

Она нажала на кнопку, открывающую гараж, и подождала, пока поднимутся двери. Значит, мужчина, которого она любила, женился на ее сестре? На самом деле это мало что меняло. Лишь создавало хаос в чувствах Хоуп, давно забытое ощущение. Но было и что-то еще... Что-то напоминающее... зависть?

«Это не зависть», – сказала она себе. Как можно завидовать Черити, если она выглядела такой бледной и усталой? Да, она родила Боннеру детей, но зато Хоуп сама управляла своей жизнью, а это дорогого стоит. Но предательство отца ее ранило. Она умоляла его разрешить ей выйти за этого мужчину, а он ей не позволил, зато разрешил выйти за него Черити. Это красноречивее всяких слов рассказывало правду о Джеде и его отношении к своему девятому ребенку. Если бы он тогда дал им с Боннером свое благословение, они бы уже давно были женаты. Она бы осталась в Супериоре и растила ребенка в собственной семье.

Но тогда она бы осталась прихожанкой Предвечной апостольской церкви. «Что не было бы уж так прекрасно», – подумала она. Боннер утверждал, что не станет брать в свою постель другую женщину. Никогда. Но, как оказалось, он не был настолько силен, чтобы соответствовать своим же обещаниям, – он не уехал с ней из Супериора. А потом взял себе еще трех жен!

Возможно, отец с Боннером даже оказали ей определенную услугу. Хоуп знала, что не смогла бы смотреть, как Боннер снова и снова женится, не смогла бы принимать других жен в доме и в постели своего мужа. По этой причине она вышла из лона церкви и уехала из Супериора. Она стала жить нормальной

жизнью, которая была гораздо более многообещающей, чем та жизнь, которую она оставила. А теперь у нее еще была Фейт.

Хоуп въехала в гараж и заглушила двигатель. Потом посмотрела на спящую сестру и стала вспоминать, как читала ей Библию и заплетала волосы. Как они лежали в одной постели в канун Рождества, потому что Фейт была слишком возбуждена наступающим праздником и не могла заснуть. Рождественских подарков они получали немного – по словам отца, они только отвлекали от истинной сути праздника. Но их все равно переполняло предвкушение, даже если единственными подарками были их маленькие подарки друг другу.

В последнее проведенное дома Рождество Хоуп глажкой заработала немного денег и смогла подарить Фейт очень красивую Барби. Младшая сестренка увидела куклу на витрине и долго восхищалась. Отец тут же осудил подарок, назвав его слишком фривольным и дорогим. Но когда Фейт сорвала обертку, Хоуп поняла по ее радостному личику, что деньги не были потрачены впустую. Той же ночью она нашла у себя на подушке самое большое сокровище Фейт – ежедневник в пластиковой обложке, который закрывался на миниатюрный замочек. Использованные страницы были вырваны и заменены неровно вырезанными пустыми бумажками. Короткая записка, написанная детскими каракулями, извещала, что Фейт хочет, чтобы Хоуп взяла ежедневник себе.

И вот они снова вместе. Одиннадцать лет спустя. У Хоуп застрял ком в горле. Может, другие и не обращали на Фейт внимания, но у Хоуп она всегда была в любимицах. Она была чувствительней остальных и всегда успокаивала Хоуп.

– Фейт, мы дома, – сказала она и осторожно тронула сестру за плечо.

Фейт моргнула и села.

– Я должна была составить тебе компанию вместо того, чтобы спать. Мне жаль, Хоуп.

– Не надо ни о чем жалеть. Для малыша как раз хорошо, что ты заснула.

Взгляд Фейт обежал гараж, и она изумилась:

– Это твой дом?

– Нет, только гараж. И он мне не принадлежит. Я его арендую.

Фейт выбралась из машины и без единого слова прошла за Хоуп к передней части дома. Она чуть не наступила на Оскара, большого серого кота. Тот взвизгнул и убежал прятаться.

– Что это было? – спросила Фейт, когда тот пролез сквозь изгородь, которая отделяла дом его хозяина от дома Хоуп, и стал смотреть на них оттуда, с безопасного расстояния.

– Это – Оскар, – сказала Хоуп.

– Твой кот?

– Кот моего соседа, но мне кажется, он пытается поселиться у меня. Он постоянно ко мне приходит.

– Ты его кормишь?

– Иногда. Мистер Парис не возражает. Мы вроде как делим его между собой. Оскар обычно никого к себе не подпускает, за исключением мистера Париса, так что это особого значения не имеет. Оскар обычно сам по себе бегаёт.

«Каков кот, такова и хозяйка», – добавила про себя Хоуп.

Фейт нагнулась и вытянула руку, пытаясь подзвать к себе кота, но тот все еще был выведен из равновесия тем, что на него едва не наступили. Раздраженно помахивая хвостом, Оскар не двигался с места.

Хоуп отперла замок и распахнула входную дверь.

– Он не очень дружелюбен, но его независимость меня восхищает.

– Я люблю кошек. – Фейт заглянула внутрь дома. – Ты живешь одна?

– Сначала у меня были жильцы, но с тех пор, как я стала зарабатывать достаточно, чтобы самой платить арендную плату, я живу одна, – сказала Хоуп, придерживая дверь.

Фейт никак не решалась переступить порог, поглядывая на Оскара так, словно ей хотелось вместе с ним укрыться за изгородью. По-видимому, во многом импульсивное решение поселиться у Хоуп сейчас превращалось для нее в окончательное.

– Значит, ты так и не вышла замуж и не... ничего такого?

– Нет. Никаких мужей, никаких любовников, никаких бойфрендов.

Фейт наконец шагнула в гостиную.

– И ты ни с кем не встречаешься?

Хоуп подумала о Джефе, сыне соседа с ее улицы, о докторгах, санитаргах и других работниках больницы, которые предлагали ей пойти на свидание. Она знала, что о ней говорят и что ее холодность принимают как вызов. Но пока никто так и не пробудил в ней интерес. Ей хотелось обрести мужа и семью, но в тот момент, когда все подходило к обязательствам, она начинала ужасно паниковать и прерывала отношения.

– На самом деле нет, – сказала она.

– Но ты же такая симпатичная. Хоуп захихикала.

– Полагаю, я немного пресытилась, – сказала она, подталкивая сестру проходить дальше в дом.

В доме пахло свежими цветами, которые Хоуп обычно срезала в саду позади дома и ставила на кухонный стол в маленькое оловянное ведро. Ей нравился контраст хрупкого и упругого, старого и нового, грубого и утонченного.

Хоуп включила верхний свет.

– Какой прекрасный дом, – выдохнула Фейт, в ее голосе слышалось что-то близкое к почтению.

Хоуп попыталась увидеть окружающую обстановку глазами сестры. Дом был старым. В нем до сих пор были дощатые полы и оштукатуренные стены. Однако он прошел реконструкцию, в результате которой застекленное крыльцо стало гостиной. Несмотря на небольшой размер дома – около тысячи квадратных футов,[8 - Примерно 300 м2.] комнаты были довольно просторными. Кухня выходила в общую комнату и была видна от входной двери. Слева, за двойными дверями, находился кабинет. Справа был холл, ведущий к двум спальням.

– Ты сама все здесь подбирала? – спросила Фейт. Хоуп кивнула:

– По выходным я просматриваю объявления и частенько покупаю какую-нибудь мебель практически за бесценок. А если мне хочется, чтобы древесина блестела, я полирую ее в гараже. А иногда раскрашиваю или наношу рисунок по трафарету, вот как на той старой церковной скамье на кухне.

– Это так красиво, – сказала Фейт. Хоуп кинула ключи на тумбочку.

– Дом принадлежит старому вдовцу, который живет дальше по улице, но я хорошо обращаюсь с ним, и хозяин предоставляет мне определенную свободу действий.

Фейт продолжала ходить по главным помещениям, пока не остановилась перед вышивками, развешанными по стенам в кухне. Больших и замысловатых, их было четыре, по одной на каждое время года.

– Они замечательные, – сказала Фейт.

– Спасибо.

Хоуп любила вышивать крестиком и собирать всякие мелочи. Столовая посуда, серебро и льняное белье были разрозненным антиквариатом или единственными в своем роде вещами. Такими, например, как настенные тарелки с синей росписью и английские сливочки семнадцатого века, которые украшали белые полки по обе стороны камина в кухне-гостиной.

– Ты, должно быть, много зарабатываешь, – предположила Фейт. – У тебя самый очаровательный дом из тех, что я видела.

– Нет, не очень много, – со смешком сказала Хоуп. – Но ведь мы с тобой росли в одном доме, помнишь? Я отлично умею экономить.

Фейт подняла бровь:

– У тебя это получается гораздо лучше, чем у меня.

– Не будь к себе слишком строгой. Это просто мой вариант «Детей из товарного вагона».[9 - Дети из товарного вагона» – известная в США детская книжка автора Гертруды Уорнер о четырех сиротах, которые сбегают из приюта, боясь, что их отдадут злему опекуну, и устраивают себе дом в лесу, в брошенном товарном вагоне.] Помнишь ту книжку? Я читала ее тебе, когда ты была маленькая.

– Помню, – кивнула Фейт. – Она была моей любимой.

– Может, это звучит глупо... но, когда после отъезда из Супериора у меня настали трудные времена, я представляла себя, одной из этих детей, когда искала нужную вещь или делала ее из того, что кто-то выбросил. – Хоуп перешла на кухню и проверила автоответчик. Никаких звонков. Как обычно.

– Я все еще не могу поверить, что ты все это сделала сама.

– Да ерунда. – Хоуп решила сменить тему. От восхищенных слов сестры она начинала чувствовать себя виноватой в том, что у нее есть так много, а у родных так мало. – Ты говорила, что жила с двумя другими женами Эрвина. С кем именно?

Фейт остановилась перед кухонной этажеркой из темного чугуна, где Хоуп хранила макароны и крупы в специальных банках различной формы.

– Помнишь Аилу Джейн?

– Эту старую каргу?

На губах Фейт мелькнула улыбка.

– Она из нас единственная, кто смеет ставить Эрвина на место. Ему нравится, как она готовит, а другого ему от нее и не надо. И ее это очень устраивает. Время, проведенное рядом с ней, – единственное светлое пятно моего брака с Эрвином. Она взяла меня под крылышко, как родную дочь. Все равно ее старшая примерно моего возраста. А вот вторая жена Эрвина, Чарлин, мне не нравится. Она тоже живет с нами. С ней трудно ладить, да и с ее детьми тоже. За исключением разве что маленькой Сары. Ей всего семь, но Чарлин совсем не уделяет ей внимания, поэтому Сара проводила большую часть дня со мной.

– Чарлин хорошенькая?

– Я думаю, что да. Она родила Эрвину десятерых детей, а значит, угодила ему.

Хоуп была не согласна с такой шкалой женского успеха у мужчин, но понимала, что Фейт нужно время, чтобы понять и приспособиться.

– Он проводил с Айлой Джейн и Чарлин много времени?

– Мало, и со своими детьми тоже. Когда он переселил меня в тот старый дом на Фронт-стрит...

– Только не говори, что в тот желтый и огромный, – перебила ее Хоуп. – Мы считали, что в нем водятся привидения, помнишь? Мы подзадоривали друг друга нажать на звонок и потом сломя голову убегали прочь.

– В то время в доме жили Андерсоны, и мать сестры Андерсон, леди Берд, часами сидела на чердаке в кресле-качалке.

– Мне казалось, она умерла.

– О да, а ее сын был отлучен от церкви за кражу с продуктового склада. Таким образом Эрвин и получил этот дом.

– И вы там жили?

– Последние несколько месяцев. Когда он поселил меня с Айлой Джейн, я поняла, что он списал меня со счетов.

Хоуп стала рыться в застекленном буфете в поисках двух кружек.

– И ты считаешь, что это из-за ребенка? Ты говорила о том, что твоя беременность сделала тебя для него «непривлекательной».

– Он утверждает, что хочет дать мне немного покоя, поскольку беременность может доставлять неудобства. Это не в стиле Эрвина. Я знаю, что он просто мной не интересуется.

– Ты это серьезно?

– Наверное, сейчас он просто отвлекся на свадьбу с Рэйчел. – Фейт опустилась на табурет у кухонного стола.

Миллион резких слов об Эрвине уже готов был сорваться с губ Хоуп, но она не озвучила ни одного. Поставив чашки на стол, сказала:

– Я подумала, что нам с тобой не помешает выпить по чашечке горячего какао, перед тем как идти спать.

Фейт покачала головой:

– Я не хочу, спасибо. Я слишком устала. И единственное, чего я хочу, – это лечь в постель.

Хоуп убрала чашки, втайне благодарная сестре за отказ. Она сама едва не падала от усталости.

– Твоя комната в конце холла, – сказала она и пошла по дому, включая везде свет. Ее сандалии громко щелкали по полу. Остановившись в первой комнате справа, что была расцвечена розовым и желтым оттенками и украшена баттенбургским ленточным кружевом, она поманила Фейт внутрь.

– Красиво, – сказала Фейт, остановившись у изножья кровати и оглядывая комнату.

– Располагайся, а я пока найду тебе ночную рубашку и зубную щетку, – сказала Хоуп от двери. – Завтра мы пройдемся по магазинам и купим тебе одежду и туалетные принадлежности.

– Разве тебе не надо идти на работу?

– Не раньше вечера. Я ведь медсестра, и мои часы работы варьируются. Завтра у меня ночная смена.

Сестра затеребила юбку, и Хоуп вспомнила, что мать часто так делала, когда нервничала.

– Фейт, я знаю, что тебе сейчас все кажется странным, – сказала Хоуп. – Но тебе здесь будет хорошо, я обещаю. Завтра мы купим тебе все, что нужно.

– А это не будет слишком дорого?

– Слишком не будет. У меня есть деньги.

Фейт, кажется, все еще чувствовала себя неловко, и Хоуп попыталась уверенной улыбкой развеять ее чувство незащищенности:

– Тебе не о чем волноваться.

– Хорошо. – Она стала разбирать постель.

Хоуп пошла к себе в спальню за обещанными вещами, но сестра крикнула ей в спину:

– Хоуп?

– Да?

– А что, если я тебе надоем? Или у нас кончатся деньги, или... еще что-нибудь?

У Хоуп сжалось сердце. Как же ярко она помнит, каково это, когда кажется, что земля в любой момент может уйти из-под ног. Она до сих пор старалась защититься от этого. Вот почему она так много сделала, чтобы этот дом стал ее домом. Только здесь она могла чувствовать себя в полной безопасности.

– Ты можешь мне надоесть, а я могу надоесть тебе. Но это не изменит того, что мы – сестры, Фейт. Этот дом всегда будет открыт для тебя. Мы обе постараемся жить так, чтобы не мешать, а помогать друг другу.

– Но почему, Хоуп? – внезапно спросила Фейт. – Прошло одиннадцать лет. Почему ты так много думаешь обо мне, если у тебя есть все это?

Все это. По стандартам обычных людей дом Хоуп не был каким-то особенным. Но Фейт видела в своей жизни только переполненные трейлеры, дуплексы[10 - Дуплексами называются дома или квартиры, рассчитанные на автономное проживание двух семей.] и старые дома с плохим водопроводом. И везде были бегающие дети, подержанная одежда и старая мебель.

– Я знаю, что тебе это покажется сумасшествием, поскольку ты считаешь, что, уехав из Супериора, ты отказываешься от Бога. Но я верю, что именно Он по какой-то причине дал мне возможность помочь тебе. Я хочу, чтобы ты жила здесь со мной. И не только ты, но и Черити и остальные, если они захотят приехать.

Фейт улыбнулась, а Хоуп, поддавшись импульсу, вернулась к ней и обняла сестру.

– Как же хорошо снова обнимать тебя, – сказала она. – Какое бы будущее нас ни ждало, мы пройдем через него вместе.

– Вряд ли это будет легко, – произнесла Фейт, судорожно вцепляясь в нее.

– Да, вряд ли, – согласилась Хоуп. – Легко не будет. Но это того стоит.

Глава 4

Хоуп проснулась оттого, что кто-то ходил по дому. В первый момент это ее испугало, но потом она вспомнила, что теперь с ней живет сестра.

В ней забурлила радость и еще что-то трудноопределимое – не то чтобы опасение, но нехорошее предчувствие. Хоуп не хотелось вспоминать то, что она чувствовала одиннадцать лет назад, не хотелось снова переживать одиночество, страх и напряженную борьбу с проблемами. Даже опосредованно. Но счастье сестры стоило таких жертв. Хоуп пугали не столько предстоящие трудности, а то, что Фейт в любой момент может сдать и вернуться в Супериор.

– Фейт? – позвала она.

Под ногами сестры заскрипел пол, и она показалась на пороге спальни. Она была уже полностью одета, умыта и причесана, а было всего – Хоуп глянула на часы у своей кровати – половина восьмого утра.

– Тебе так хочется пройтись по магазинам? – поддразнила она Фейт. – А они, между прочим, раньше десяти не открываются.

– Я просто... Я привыкла вставать рано. У меня обычно много работы, особенно сейчас, когда можно сажать семена. Ты бы видела, что мы с Айлой Джейн приготовили для нашего сада! Мы вырастим помидоры, кабачки, кукурузу – все, что только захотим. Можем даже посадить тыквы для Дня благодарения. – Внезапно она осознала, что именно говорит, и тихо закончила: – Ну, мы собирались все это сделать.

Хоуп заставила себя принять сидячее положение и жестом позвала Фейт сестру рядом.

– Позади дома есть большой сад, – сказала она. – Я выращиваю там множество цветов, а некоторые даже заказываю из Дании.

– Правда? А зачем кому-то привозить цветы из такой дали?

– Это георгины, и они очень красивые. Подожди, пока не помотришь на них. Кроме того, я выращиваю овощи. Может, тебе даже захочется помочь мне с ними в этом году.

При упоминании знакомой работы лицо сестры осветилось улыбкой. Она, наверное, думала, чем же ей теперь заниматься – когда у нее на попечении нет армии детишек. В общине было обычным делом, что одна из жен несет ответственность за всех детей своего мужа, а не только за своих. Женщины иногда компенсировали нехватку внимания мужа дружбой между собой – но не каждый дом мог похвастаться такими мирными отношениями. Между женами постоянно вспыхивали драки, они разбивались на враждующие группы или просто неприязненно относились к детям определенных матерей. Но в маленьком доме Хоуп одной только тишины, наверное, было достаточно, чтобы Фейт ощутила себя оторванной от всего мира.

– Я... я думала, что почитаю Священное Писание, – робко сказала Фейт. – Но свое я, естественно, не захватила, а... у тебя тоже его не видно.

Священное Писание. Хоуп с трудом удержалась, чтобы не сморщить нос. Перед тем как поехать за Фейт, она специально избавилась от всего, что напоминало ей о прошлом. Были времена, когда ей хотелось с приятнью относиться к остальному миру христианства – хотя бы к большей его части – и по-хорошему относиться к религии, но за одиннадцать лет она ни разу не была на проповеди. От одной мысли, что надо будет войти в церковь, любую церковь, ей начинало казаться, что она задыхается. Если она когда-нибудь и выйдет замуж, то только в Лас-Вегасе.

– Я уверена, какое-нибудь у меня найдется. Я найду и отдам его тебе. И ты сможешь читать его, когда захочешь, – сказала она, зная, что бесполезно объяснять сестре свое отвращение ко всему, что касается религии. Фейт просто испугается, что она одержима бесами, как утверждал отец. Хоуп и сама не понимала, почему начинает так нервничать, когда сталкивается с Библией, церковью, священником или даже чересчур активным прихожанином. Далеко не все ее воспоминания о церкви были плохими. Однажды в детстве мать взяла ее вместе с сестрами в Солт-Лейк, и там Хоуп впервые столкнулась с нищим. Он был слепой и уродливый, да к тому же отвратительно грязный и худой, как скелет. Мимо них быстро прошла женщина на высоких каблуках и в строгом черном костюме. Она поцокала языком и пробормотала что-то насчет его жалкого вида. Но мать Хоуп остановилась и отдала ему последние деньги. Хоуп

спросила, почему она это сделала, и мать ей ответила: «Иисус любит его, и мы тоже должны». – «Но он же такой жалкий», – сказала тогда Хоуп, чувствуя себя не по годам взрослой и подражая той, более умудренной женщине. Мать мягко улыбнулась и взяла ее за подбородок: «Только внешне, моя маленькая Хоуп. А Иисусу нет дела до его внешности».

Хоуп тогда почувствовала себя смиренной и одновременно любимой. Если Иисус может любить нищего, то конечно же Он сможет полюбить и маленькую девочку с распущенными темными волосами и ободранными коленками, которой часто моют рот с мылом за то, что она выходит из себя и говорит второй жене отца то, что не должна говорить. Но даже эти теплые воспоминания не смогли вернуть ее в лоно церкви. Отец и святые братья отравили эту часть ее души, когда она была подростком, а они все сильнее и сильнее старались ее контролировать. А может, она потеряла веру, когда отдала своего ребенка. В тот момент она ощутила, как свет, который она пыталась удержать в своей душе, замигал и навсегда погас.

– Что бы ты хотела на завтрак? – спросила Хоуп. Она встала с постели и пошла к шкафу за халатом.

Она так надеялась выспаться после вчерашнего дня, вымотавшего ей душу. Особенно потому, что сегодня вечером ей выходить на работу. Но она не могла оставить Фейт одну.

– Окажи мне одну услугу, – сказала Фейт.

– Конечно, что угодно. Какую именно услугу?

– Перестань обращаться со мной как с гостьей, ладно?

Хоуп удивленно моргнула и посмотрела на нее:

– Я и не обращаюсь. Я просто...

– Я знаю и ценю это, – ответила Фейт. – Но я не смогу справиться, если не почувствую, что сама могу нести свою ношу. Ну, или, по крайней мере, не стану вносить полезный для тебя вклад.

– Ты что, шутишь? Ты будешь работать, не... – Хоуп собиралась сказать «не жалея задницы». Она достаточно прожила в обществе язычников, чтобы употреблять их самые популярные выражения и образчики речи. Но сестра-то не жила и будет шокирована даже такой небольшой вульгарностью. Поэтому она закончила предложение иначе: – Не жалея пальцев. У нас в саду, про который я говорила.

– Это замечательно, – сказала Фейт, по-прежнему оставаясь совершенно серьезной. – Именно это мне и нужно. Именно этого мне и хочется.

– Здорово. – Хоуп улыбнулась шире, чем это соответствовало ее настроению. Похоже, все будет труднее, чем ей казалось. Пока они с Фейт заново не познакомятся и не научатся жить вместе, не мешая друг другу, будет много неловких ситуаций. – Тогда почему бы тебе не приготовить завтрак, пока я схожу в душ?

– Хорошо.

– Я хочу яичницу-глазунью из двух яиц и тосты. На кухне все есть. Просто пошуруй там, и ты найдешь все, что нужно. А если не получится, покричи меня.

– Я справлюсь.

Хоуп продолжала улыбаться, пока сестра не скрылась в холле. Потом она резко опустила плечи и медленно села на кровать. Что они такое творят? Они с Фейт идут совершенно разными жизненными путями. Они оказались такими разными, что теперь Хоуп уже не была уверена, что они вообще когда-нибудь найдут точки соприкосновения. Что, если увести Фейт из Супериора было ошибкой, о которой они обе потом пожалеют?

«Я бы так и не узнала, смогу ли помочь Фейт, если бы не попробовала», – подумала наконец Хоуп. Надо просто решать проблемы по одной в день, не больше. И на сегодняшний у них назначена покупка одежды.

Очень глубоко вздохнув, Хоуп встала и направилась в душ.

– Ну что, нравится тебе что-нибудь? – спросила Хоуп, собираясь забрать стопку одежды, которую Фейт несколько минут назад принесла в примерочную.

Фейт прикусила губу, разглядывая джинсы для беременных, футболки и джемпера, которые Хоуп отобрала для нее.

– Нет, ничего.

– Но почему? – спросила Хоуп. – Неужели ничего не подошло?

В примерочную неясным бормотанием доносились голоса других покупателей. К тому времени, как Хоуп показала Фейт дом и сад, научила пользоваться микроволновкой, посудомоечной, стиральной и сушильной машинами, дело уже шло к полудню. И в молле был самый пик посетителей.

– Нет, все подходит, – сказала Фейт. – Просто я... ну, я подумала, что лучше сама себе что-нибудь сошью.

Хоуп чуть не застонала. Хватит уже неряшливых платьев, по которым сразу можно было узнать ее принадлежность к общине.

– Фейт, а что тебе не нравится в этой одежде? Она удобная, практичная и...

– Она слишком... элегантная, – ответила Фейт. – Я не хочу быть тщеславной, Хоуп. Это неправильно.

Она говорила шепотом, потому что рядом топталась продавщица – и не потому, что хотела им помочь. С того момента, как они вошли в магазин, эта женщина смотрела на них со смесью презрения и любопытства. Так смотрят на что-то одновременно очаровательное и неприятное, например на опарышей в мясе. Без сомнения, их выдавала внешность Фейт. Меньше чем в часе езды, на границе Юты и Аризоны находилась большая община многоженцев – в городах Колорадо-Сити и Хиллсдейл. Жители Сент-Джорджа часто видели людей из общины, тем более что некоторые жили прямо в этом городе. Женщин было отличить проще, поскольку они носили длинные старомодные платья, из-под которых виднелись панталоны, а обуты были в потрепанные теннисные туфли.

Но дружеское отношение не всегда означало, что их будут считать своими.

– Немного эlegantности еще никому не вредило, – настойчиво сказала Хоуп и с вызовом посмотрела на продавщицу.

Та скрестила на груди руки, словно показывая, что имеет право на них тарашиться.

– Может, нам стоит пойти в другое место? – сказала Фейт.

Но гордость и желание защитить сестру не позволили Хоуп просто повернуться и уйти. Она достаточно долго жила вдали от Супериора, чтобы понимать эту женщину – до определенной степени, – но подобная грубость была непростительна.

– Нет, мы имеем столько же прав здесь находиться, что и другие. Посмотри еще что-нибудь.

– Не хочу. Мне нужно только немного ткани и...

– Мы купим тебе ткань, и ты сможешь сшить столько платьев, сколько захочешь. Просто выбери, что тебе нравится, и не волнуйся о том, чему тебя учила церковь.

Фейт хмуро покопалась в стопке одежды и вытащила простенькие джинсы для беременных. Потом она схватила лежащий сверху топик, который напоминал одежду, которую носят старушки – причем старушки без малейшего вкуса.

– Я же сказала тебе выбрать то, что тебе нравится, и не переживать по поводу церкви, – раздраженно сказала Хоуп и выбрала для нее хлопчатобумажный джемпер и голубую блузку с коротким рукавом. – Как тебе это?

Фейт пожала плечами:

– Нормально.

Хоуп встала, сложила остальную одежду на свой стул и унесла выбранную к кассе. Продавщица прохаживалась поблизости.

- Это все? - спросила она ничего не выражающим тоном.

- На данный момент да, - ответила Хоуп.

Женщина стала считывать с покупок штрихкоды, но потом остановилась и глянула на Фейт.

- Отвратительно, - пробормотала она.

- Простите? - С Хоуп было достаточно. - Вы что-то сказали? Или просто подтверждаете, что мое изначальное предположение о вашем уме близко к правде?

- Хоуп, все в порядке, - смущенно пробормотала Фейт.

- А со мной не все, - отозвалась Хоуп.

У продавщицы упала челюсть. Люди из общины многоженцев обычно приходили в молл группами, держались вместе и игнорировали шепот и насмешки, с которыми сталкивались. Хоуп видела, как они проносятся мимо, лишь изредка останавливаются перед витринами и с тоской смотрят на выставленные товары, которые никогда не осмелятся себе купить. Раньше она старалась их не замечать, не желая выдавать свое происхождение. Но ходить с Фейт было все равно что носить на лбу знак о принадлежности к общине.

В глазах продавщицы мелькнуло что-то злобное и уродливое. Но в этот момент в магазин вошла вторая продавщица, которая, вероятно, уходила на перерыв. И продавщица, сканирующая штрихкоды на покупках Фейт, тут же переменялась в лице.

- Я ничего не говорила, - сказала она и все свое внимание перенесла на работу.

Хоуп заплатила за одежду, подхватила пакет и с высоко поднятой головой пошла к выходу вместе с Фейт. Она была бы не прочь пожаловаться менеджеру, если бы не знала, что поднятый ею шум не пойдет на пользу сестре. Фейт учили подставлять другую щеку, если ее высмеивают. Сама же Хоуп считала, что ценить себя как личность и устанавливать границы для тех, кто их не установил

со своей стороны, только помогает людям научиться взаимному уважению.

Она стала асом по созданию границ, особенно с мужчинами.

– Хоуп, как ты? – спросила Фейт. – Ты ведь не злишься на меня, правда?

Хоуп осознала, что шагает по моллу так, словно от этого зависит ее жизнь. Она замедлила шаги и заставила себя улыбнуться:

– Все нормально. Я считаю, что должна была сказать этой женщине о ее неприемлемом поведении, вот и все.

Фейт неуверенно кивнула. Хоуп взяла ее за руку, желая побыстрее выбраться из магазина. Взгляды, которые они притягивали, начали действовать ей на нервы.

– А это не слишком тяжело для тебя, Хоуп? – спросила Фейт. – Я не хочу оказаться колючкой у тебя в боку. Жить со мной в одном доме оказалось хуже, чем ты ожидала?

Хоуп сама не знала, чего она ожидала. Она вернулась в Супериор из любви к родным и чувства долга. Она вернулась, как только нашла в себе душевные силы для поездки. И теперь ее страшило узнать, что она не так хорошо подготовилась, как думала.

– Ты не колючка. Я хочу, чтобы ты была рядом независимо ни от чего, – сказала она. И в основном это была правда.

– Я надеюсь. Потому что я не могу просто выбросить из головы то, чему меня учили. Я тогда потеряю... потеряю саму себя. Ты ведь это понимаешь, да?

– Я понимаю, что мир отличается от Супериора, – сказала Хоуп.

– Мир – это Сатана, и он старается нас победить, – сказала Фейт.

Хоуп подумала о Лидии Кейн и Паркере Рейнольдсе, о том, что они сделали для нее десять лет тому назад. И о людях, с которыми она сейчас работала в больнице, которые часто делали много больше, чем были должны по долгу

службы. Она подумала о трагедии 11 сентября и захваченном террористами самолете, который упал в Пенсильвании.[11 - Речь идет о четвертом самолете, пассажиры которого пытались перехватить управление у террористов. Первые два врезались в башни Всемирного торгового центра, а третий врезался в здание Пентагона.] А еще о великодушии и выдержке, которые она наблюдала в больнице почти ежедневно.

- Боюсь, Фейт, это слишком простой ответ.

- Я не понимаю.

«Потому что ты не жила в реальном мире. Пока еще не жила».

- Во многом жить по учениям святых братьев гораздо легче, чем без них, - сказала Хоуп. - Ты всегда знаешь, что правильно, а что нет, - или, по крайней мере, ты думаешь, что знаешь. Они принимали за тебя все решения. А сейчас... сейчас тебе придется все решать самой.

Хоуп казалось, что ее ночная смена тянется целую вечность. У них было две роженицы, несколько новорожденных в детском отделении и акушер-гинеколог, который не отвечал на вызовы по пейджеру. Но, несмотря на озабоченность, что, если доктор вовремя не появится, ей или Сандре Клири - начальнице Хоуп - придется самим принимать роды, Хоуп не могла не думать о Фейт. Скоро ее сестра будет заниматься тем же, чем сейчас занимаются женщины в палатах номер 14 и 15, - рожать ребенка. И тогда у нее дома поселится еще и новорожденный. Вместе с сестрой, с которой она не общалась почти одиннадцать лет...

- Хоуп, ты не заглянешь к миссис Уолкер? - спросила Сандра, не отрывая головы от бумаг. Она сидела на сестринском посту и заканчивала заполнять документы. - Она нас вызывает.

- Конечно.

Хоуп зашла в палату номер 14, где и так уже провела большую часть своей смены, начавшейся в десять вечера. Миссис Уолкер поинтересовалась, есть ли

известия от доктора. Хоуп пришлось сказать, что нет.

– А что будет, если он так и не появится? – спросила миссис Уолкер, обеспокоенно наморщив лоб.

– Все будет хорошо, – заверила ее Хоуп. – Я работаю здесь медсестрой уже пять лет, а Сандра и того больше. Мы видели сотни родов и несколько раз сами принимали детей. А внизу, в приемном покое, всегда дежурит врач неотложной помощи.

Она не стала добавлять, что он сможет помочь, только если в приемном покое нет никого с более тяжелым состоянием, например с сердечным приступом. Она сочла, что и так сказала слишком много.

Кажется, ее ответ был принят, и, вероятно, потому, что не было выбора. Хоуп принесла миссис Уолкер еще одно одеяло, чтобы укрыть ноги.

– Я сейчас вернусь, – сказала она и пошла на сестринский пост узнавать, нет ли у Сандры новостей от пропавшего доктора.

– Пока ничего, – ответила та, убирая с лица волосы. – Вот увидишь, этого ребенка придется принимать нам...

Самим принимать роды было дичайшим стрессом, и за те же деньги. А врач, который, скорее всего, просто выключил пейджер, получит полную зарплату. А учитывая, сколько всего может пойти не так...

Хоуп даже думать об этом не хотела.

– Он вот-вот появится, – сказала она самым уверенным тоном, на какой была способна, и посмотрела на часы. Звонить Фейт уже поздно? Хоуп очень не хотелось оставлять ее сейчас одну. Она нашла на чердаке Библию для Фейт, чтобы та могла читать в постели, и надеялась, что это поможет сестре акклиматизироваться. Но мир Хоуп был настолько чужд Фейт, что она, вероятно, чувствовала себя совершенно потерянной. Настолько, что она может проявить слабость и начать подумывать о возвращении в Супериор.

К несчастью, только что миновала полночь. Слишком поздно для звонка. Да и миссис Уолкер снова вызывала медсестру.

Возвращаясь в палату номер 14, Хоуп приказала себе прекратить волноваться. Все, что ни делается, все к лучшему.

Следующим утром по дороге домой у Хоуп глаза щипало от усталости. Ей пришлось проработать на пару часов дольше, потому что Реджина Парке, одна из сестер утренней смены, сказала больно прямо во время внезапных преждевременных родов.

Но по крайней мере, врач миссис Уолкер появился вовремя и отработал свою зарплату. После этого все шло нормально, пока не возникла чрезвычайная ситуация, которая заставила Хоуп задержаться. В шесть утра привезли девочку-подростка с уже начавшимися родами. К счастью, врач из приемного был свободен, и как раз за несколько минут до ухода Хоуп новорожденный мальчик сделал первый вдох. Малыш был крошечным, только-только четыре фунта,[12 - 1,8 кг.] и имел проблемы с дыханием, но врач считал, что он выживет.

Хоуп вспомнила, как восхищалась им новоиспеченная мама, и подумала, не пример ли Лидии вдохновил ее в свое время стать медсестрой-акушеркой. Хоуп обычно сталкивалась с женщинами нормального детородного возраста, которых поддерживали мужья и другие родственники, и, как правило, делала свою работу, не пропуская ее через себя. Но время от времени в больницу поступал кто-то – как сегодня эта девочка-подросток, – кто неизменно возвращал ее к тому дню, когда она рожала сама. И тогда ее охватывала такая тоска, что она едва волочила ноги. Она сказала Фейт, что не сомневается, что ее дочь живет замечательной жизнью. Но она этого не знала и никак не могла узнать. Хоуп могла только молиться и надеяться на лучшее. Несмотря на отторжение церкви, она все еще продолжала молиться. И все еще мечтала о встрече со своим ребенком, о том, чтобы прикоснуться к маленькой девочке, которую она про себя называла Отем.[13 - Осень (англ.).] Всего один раз прикоснуться.

Заставляя себя отвлечься от болезненной пустоты, которую она всегда чувствовала, когда думала об Отем, Хоуп потянула затекшую шею и въехала в гараж. Если ей повезет, она застанет Фейт в хорошем настроении и сможет немного отдохнуть. Судя по ощущениям, она может проспать целую неделю,

если...

По дороге от гаража к дому ее ушей достигли чьи-то голоса. Включенный телевизор? Хоуп хотелось в это верить, но мимолетное движение за окнами гостиной сообщило ей, что у них с Фейт гости.

Глава 5

Двигимая желанием попасть в дом раньше, чем незваный гость утащит оттуда Фейт, Хоуп мгновенно оказалась на пороге и застыла. Боннер. После стольких лет разлуки она уже начала думать, что больше никогда его не увидит. И уж конечно, она не ожидала увидеть его в собственном доме.

Он изменился. Конечно, когда она видела его в последний раз, ему было всего восемнадцать. Некоторая перемена была ожидаема. Но Боннер не просто прибавил пару дюймов роста и несколько фунтов веса. В отличие от большинства мужчин в общине его темные густые волосы были аккуратно подстрижены, а лицо чисто выбрито. Он был одет в современную одежду и имел ровные зубы, несмотря на то что мало кто из многоженцев ставил себе скобки. А его глаза...

Глаза остались все теми же. Возможно, поэтому Хоуп так потрясло его присутствие.

Боннер медленно встал. Сидевший рядом с ним Эрвин сделал то же самое.

Присутствие Эрвина удивляло гораздо меньше. Хоуп и раньше думала, что он снова может появиться и устроить им неприятности. Боннера она в такой роли не рассматривала.

- Что здесь происходит? - спросила Хоуп, наконец посмотрев на Фейт.

Та стиснула руки, словно защищаясь.

– Хоуп, прости, – сказала она. – Я... Я просто думала, что должна позвонить маме. Сказать ей, где я и что со мной все в порядке. Она была мне очень благодарна...

– И послала за тобой Эрвина.

– Я просто хотела ее утешить.

– Твоя мать все сделала правильно, – заявил Эрвин, глядя на Фейт. – А теперь ты должна сделать правильный выбор. В конце концов, я твой муж.

– Ты ее дядя, – уточнила Хоуп. – И ничего более.

– Ты что, хочешь, чтобы ребенок твоей сестры стал незаконнорожденным? – закричал Эрвин. – Боннер, ты только послушай! Видишь, какой она стала? Она пытается насмеяться над моим бра...

– Эрвин, успокойся, – резко прервал его Боннер. – Дай мне все уладить.

К изумлению Хоуп, Эрвин сразу сбавил обороты.

– Отлично. Уладь все, Боннер. Я просто... Я зол, вот и все. Она не имела права увозить мою жену и ребенка. Я никогда не делал Хоуп ничего плохого.

Боннер наградил его раздраженным взглядом, и Хоуп приготовилась выслушать то, что он собирался ей сказать. Он был единственным мужчиной, которого она любила. Потом у нее было несколько коротких любовных связей, но ни одна из них не приносила удовлетворения.

– Хоуп, ты прекрасно выглядишь, – сказал Боннер. – Но ты всегда была красивой. Красивей, чем любая другая женщина.

– Ты говоришь это, женившись на моей сестре? – усмехнулась она, внутри едва сдерживая эмоции, которые даже не могла охарактеризовать.

– Ты хочешь, чтобы я солгал?

– Я хочу, чтобы ты ушел.

– Только вместе с Фейт, – встрял Эрвин.

Новый пронзительный взгляд Боннера заставил его заткнуться.

– Хоуп, я знаю, что у тебя нет причин выслушать то, что я скажу. Но я прошу всего несколько минут твоего внимания. Безусловно, наши дороги очень сильно разошлись. Мы можем поговорить наедине?

Глаза Хоуп жгли подступающие слезы, но она категорически не собиралась их демонстрировать. Она уже давно оплакала Боннера.

– Мне нечего тебе сказать.

– Всего несколько минут, – настаивал он. – Я хочу с тобой помириться.

Помириться было невозможно. Боннер никогда не сможет вернуть то, что забрал у нее.

Но ему тогда было всего восемнадцать...

В конце концов Хоуп сдалась. Она резко кивнула и увела Боннера на заднее крыльцо. Села в одно из двух кованых кресел, предложила бы ему второе, но не могла заставить себя смотреть на него.

– Здесь хорошо, – сказал Боннер.

Краем глаза она видела, что он оглядывает цветы в саду, птичью купальню и кормушку для колибри.

У Хоуп сдавило горло так, что она не могла произнести ни слова. Она перевела взгляд на огромные головки георгинов – оранжевые, пурпурные, розовые – и попыталась обрести силы и спокойствие у их красоты. Она вдохнула запах мокрой травы и свежевскопанной земли. Это было ее убежище, созданное ею безопасное место.

Но прошлое снова настигло ее.

- Говори, я слушаю тебя, - сказала Хоуп, надеясь побыстрее покончить с напряженным моментом. Она очень устала.

- Посмотри на меня.

Неужели она должна? Она заставила себя встретиться с ним взглядом.

- Мне очень жаль, - просто сказал он, его глаза были грустными. - Я знаю, что причинил тебе боль. Я был молод и глуп и жалею об этом.

Хоуп не знала, что сказать. Она потеряла Отем, а он просто сожалеет?

- Ты даже вполтину не жалеешь, как жалею я.

- Поедем со мной домой.

Ее сердце пропустило пару ударов.

- Что?

- Я никогда не переставал любить тебя, Хоуп. Я постоянно молился, чтобы ты в конце концов вернулась и пришла ко мне.

Когда она заговорила, ее голос был едва слышен.

- Ты, должно быть, шутишь.

- Многое изменилось. У меня сейчас гораздо больше власти в общине. Если ты станешь моей женой, никто не посмеет плохо с тобой обращаться. Тебя простят и обо всем забудут, и все встанет на свои места, как и должно было быть с самого начала. - Он упер руки в бедра, словно уже как следует все продумал и ей остается только дать свое согласие. - Я уже получил у твоего отца благословение. Он дал мне его перед нашим с Эрвином отъездом. Я хочу забрать тебя домой и жениться на тебе. Вернись туда, где на самом деле твое место.

Туда, где ее место? Хоуп даже не была уверена, что такое место вообще существует. Она думала, что ее место здесь, в маленьком домике с красивым садом, но сейчас засомневалась.

- Хоуп? - надавил он, когда она не ответила.

- Я не могу.

- Нет, можешь.

- Прошло одиннадцать лет, Боннер. Все, что у нас было, умерло.

- Я так не думаю.

Хоуп стиснула руки на коленях.

- И тем не менее это так.

- Значит, есть еще кто-то? - спросил он. Как нелепо он поставил вопрос.

- Ты уже женат, - напомнила она.

- У меня в сердце достаточно места и для тебя.

- Боюсь, мне не хочется присоединиться к параду, направляющемуся в твою спальню.

Он скорчил гримасу:

- Все совсем не так. Я хорошо обращаюсь со своими женами. А к тебе я относился бы с особой заботой. Я бы отдавал тебе каждую свободную минуту...

- И лишил бы мою сестру внимания, которое она сейчас получает? Или ее детей? Или, может, ты говоришь о какой-то другой из своих жен, например о вдове Филдс? Ты ведь вообще не собирался брать ее в жены, верно?

Он сказал после продолжительной паузы:

- Ты изменилась.

- И даже больше, чем ты считаешь.

- Ты стала нечестивицей, как они и говорили. Хоуп побледнела, но не ответила.

- Я предлагаю тебе истинную любовь и спасение, а ты, глядя мне в глаза, просто глумишься.

- Мне не нужно твое спасение.

- Хоуп, ты совершаешь ошибку. Ты идешь против всего, чему тебя учили. От слов, что ты поступаешь неправильно, здесь, наверное, уже можно услышать эхо.

- Единственное эхо, которое я слышу, - как ты говоришь моему отцу, что согласен с его решением отдать меня Эрвину, - сказала она.

На его скулах заиграли желваки.

- Хочешь побольнее ткнуть меня носом? Я уже сказал, что был тогда очень молод...

- А я - еще моложе.

- Значит, ты не можешь меня простить? Это все, о чем я прошу.

- Нет, ты хочешь получить больше, чем можешь предложить.

Он отшатнулся, словно она дала ему пощечину.

- Но я уже сказал. Теперь у меня есть власть в общине. Я могу...

– Делать все, что только пожелаешь, – закончила за него Хоуп. – Именно это меня и пугает.

Боннер вспыхнул, и Хоуп подумала, что сейчас он покажет себя во всей красе. Но он только высокомерно задрал нос, словно она была самым большим разочарованием в его жизни, и вернулся обратно в дом.

Хоуп последовала за ним, размышляя, что он скажет Эрвину.

– Поехали, – сказал Боннер, входя в гостиную.

По лицу Фейт было видно, что она плакала. Хоуп почувствовала угрызения совести за то, что оставила ее наедине с дядей.

– Что ты имеешь в виду? – У Эрвина отвисла челюсть. – Разве Хоуп с нами не поедет?

Хоуп видела гневный обвиняющий взгляд Боннера, словно она его чем-то сильно обидела.

– Нет. Она скорее пойдет в ад, как и говорил ее отец. Отец всегда так верил в нее!

– Ладно. Идем, Фейт, – повысил голос Эрвин. – Собирай свои вещи, и поехали.

Казалось, Фейт не доверяет собственному голосу. Вместо ответа, она покачала головой, и лицо Эрвина исказилось.

– Ты будешь делать, как я скажу. Я твой муж, слышишь? Когда я тебе говорю что-то сделать, ты обязана слушаться. Так что иди в машину. Немедленно.

Удар по щеке прозвучал как выстрел. Фейт дернулась и пошла к входной двери, но Хоуп поймала ее за локоть.

– Она уедет с тобой, только если сама захочет. Не потому, что ты считаешь, что можешь обращаться с ней как с рабыней. – Она повернулась к Фейт и продолжила уже мягче: – Ты не обязана уезжать с ним, Фейт. Я здесь. И я его не

боюсь. Я не позволю ему делать то, что тебе неприятно. Не волнуйся об этом. Но если ты хочешь вернуться, это твой шанс.

Фейт смахнула со щеки выступившие слезы – на подол платья упали капли – и придвинулась к Хоуп.

– Я не хочу возвращаться, – сказала она. – Никогда.

По страстному голосу сестры Хоуп поняла, что та говорит то, что думает. Хоуп накрыта волна удивления и облегчения. Но еще надо было устранить проблему присутствия в ее гостиной Эрвина и Боннера. Она солгала, когда заявила, что не боится их. Может, с тех пор, как она жила во власти святых братьев, и прошло много лет, но родители нанесли ей двойной удар – они прислали за ней Боннера, присутствие которого совершенно выбивало ее из колеи, и Эрвина, от которого у нее ползли мурашки по коже.

Распрямив плечи, Хоуп собрала все свое самообладание.

– Значит, так тому и быть. Вам двоим пора уходить.

– Черта с два! – закричал Эрвин. – Фейт здесь не останется.

– Если вы сию же минуту не уберетесь, я вызову полицию, – пригрозила Хоуп.

Эрвин сделал шаг по направлению к ней. Судя по его виду, он с радостью свернул бы ей шею, но путь ему преградил Боннер:

– Пойдем отсюда. Она дитя дьявола. Думаю, все эти годы Господь оберегал меня от нее.

Эрвин стряхнул его руку.

– Ты заплатишь за это, стерва, – огрызнулся он. – Я заставлю тебя пожалеть, ты...

– Эрвин, хватит, – вмешался Боннер. – Пошли.

- Это еще не конец, - отозвался Эрвин. - Еще далеко не конец.

- Это я во всем виновата, Хоуп ничего плохого не сделала, - сказала Фейт, но ее никто не услышал за резкими словами Боннера.

- Ее расплата будет гораздо больше, чем ты думаешь с нее получить, - заявил он. - Господь отомстит ей.

- Я в этом не сомневаюсь, поскольку собираюсь ему подсобить, - сказал Эрвин и потащился прочь.

Боннер посмотрел на Хоуп, и его лицо испугало ее почти так же, как слова Эрвина. Не потому, что он выглядел сумасшедшим. Напротив, он с совершенно обычным видом проклинал ее так, словно мог отдавать приказы самому Господу Богу. Власть, которую он получил в общине, явно ударила ему в голову. И подумать только, что на мгновение она даже испытала желание бросить борьбу и вернуться к своим корням! Как она могла даже заколебаться?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Инчантмент - вымышленный город, название которого переводится как «Очарованный». (Здесь и далее примеч пер.)

2

Церковь братьев – одно из множества баптистских течений.

3

В США существует два института акушерок. Nurse obstetrician (или Nurse midwife) – акушерки с медицинским образованием и licensed midwife – лицензированные акушерки домашних родов (так называемые духовные акушерки). Разница в первую очередь в подходах: акушерки-медики близки по духу российским акушеркам в роддомах, а акушерки домашних родов основываются на естественности процесса родов.

4

Супериор – город вымышленный. С таким названием в США есть несколько городов, но ни один из них не находится в штате Юта.

5

Имена в большой степени соответствующие нашим Вера, Надежда, Любовь. Хоуп в переводе Надежда, Фейт – Вера, Черити – Милосердие.

6

Само по себе, по сути (лат.).

7

Полная цитата «Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз» (Евангелие от Матфея, глава 18).

8

Примерно 300 м2.

9

«Дети из товарного вагона» – известная в США детская книжка автора Гертруды Уорнер о четырех сиротах, которые сбегают из приюта, боясь, что их отдадут злему опекуну, и устраивают себе дом в лесу, в брошенном товарном вагоне.

10

Дуплексами называются дома или квартиры, рассчитанные на автономное проживание двух семей.

11

Речь идет о четвертом самолете, пассажиры которого пытались перехватить управление у террористов. Первые два врезались в башни Всемирного торгового

центра, а третий врезался в здание Пентагона.

12

1,8 кг.

13

Осень (англ.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/brenda-novak/ubezhische>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)